

The background of the cover is a dark, atmospheric scene. At the top, a full moon is partially obscured by dark, swirling clouds. In the upper center, the silhouette of a large, multi-towered castle or fortress is visible against the night sky. The entire scene is framed by ornate, golden-brown decorative borders in the corners and along the sides. The title is centered in a large, elegant, golden-brown serif font, surrounded by intricate flourishes. Below the title, the author's name is written in a smaller, simpler font, also centered. In the bottom left corner, there is a small illustration of an open book with a lit candle on a stand next to it, and several other books are visible in the background.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Автор: Пугачев Максим

Максим Пугачев

Сборник рассказов

<https://litres.ru/74194007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять историй — пять завершённых путей за границы привычного нам мира, разных легенд и мифов.

В «Олвине» (12+) ребёнок открывает для себя мир магии: здесь волшебство — это не только заклинания, но и умение видеть чудо в каждом дне.

«Рассказ Каллена» (12+) уводит в лабиринт подсознания: здесь нет привычных ориентиров, зато есть шанс встретиться с собой настоящим.

«Отражение» (16+) — мрачная и притягательная история о том, как прошлое может настигнуть в отражении, и цена, которую придётся платить за забытые обещания.

«Договор со временем» (16+) — захватывающее путешествие между мирами, где время — не фон, а главный герой, способный менять судьбы.

«Призрачный рейс» (16+) проведёт вас в глубины загробной жизни. Здесь нет цели — есть только путь и ошибки прошлого, которые стоило исправить давным-давно.

Сборник подойдёт и тем, кто ищет лёгкое волшебство, и тем, кому по душе глубокие, многослойные сюжеты, и мистические истории.

Содержание

«ОЛВИН»	5
КАРТА	12
ТИХИЙ ШЕПОТ ЗЕРКАЛА	20
КЛЮЧ	27
МИР ДУХОВ	34
КРИСТАЛЛ	42
ЛАБИРИНТ	54
ЖЕРТВА	65
РИТУАЛ	78
ОТРАЖЕНИЕ	88
ЗВУК МАГИИ	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Сборник рассказов

«ОЛВИН»

ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

В очередной раз у нас выключили свет. Я остался в одиночестве в маленьком частном домике, и это одиночество лишь

усиливало ощущение чего-то таинственного. Улица погрузилась в темноту, но её слабо освещали огоньки из соседних окон — они казались далёкими звёздами, упавшими на землю. Занавески в окнах слегка покачивались от ветра, создавая иллюзию движения, а небольшие круглые пятна света придавали обстановке загадочность и даже немного пугающую красоту. На улице бушевали метель и выюга — снежные вихри кружились в безумном танце, а ветер выл, словно раненый зверь.

В такой тёмный вечер даже не выйдешь из дома!

Я думаю, многие помнят такие моменты, когда сидишь на кухне без света и интернета, и весь мир словно сужается до размеров этой самой кухни. В окне отражаешься лишь ты сам — твоё лицо, искажённое тусклым светом, и в этом отражении словно читается вся неопределённость момента. А краски переливаются в стаканчике от небольшого огня, что создаёт печка с круглыми чугунными колосниками — они тихонько поскрипывают, добавляя в атмосферу что-то почти мистическое. На маленькой блюдечке стоит восковая свеча, и её мягкий, дрожащий свет создаёт ощущение уюта и защищённости. Тёплый огонёк домашней печки согревает не только тело, но и душу, и в такие моменты осознаёшь, насколько ценны простые вещи — чашка чая, тепло огня, тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров.

Сидя на кухне, я смотрел на своё отражение в окне и медленно попивал ароматный чай, чувствуя, как тепло разлива-

ется по телу. Мысли о том, что происходит за окном, холодили мою душу — я представлял, как вихри снега кружатся в безумном танце, как ветер воет, словно живой, и как мороз рисует замысловатые узоры на стекле. Эти узоры были словно послания из другого мира, и мне казалось, что за окном скрывается что-то невероятное, что-то, что может изменить мою жизнь.

Мне было восемь лет — я был маленьким мальчиком с чёрными волосами, карими глазами и смуглой кожей. Я был обычным ребёнком, но жил мечтами, надеждами и верой в волшебство. Я верил, что мир полон тайн и чудес, и каждый день мог принести что-то удивительное. Свет многочисленных огоньков, отражавшихся в окнах по всей улице, создавал атмосферу сказки, и я чувствовал себя частью этого волшебного мира. Я сидел и ждал маму с работы, и это ожидание наполняло меня спокойствием и надеждой.

По левую сторону от меня находилась газовая печь — старая, с потёртыми ручками, но такая надёжная. Я решил вскипятить чайник, чтобы он не остыл к приходу мамы. Заглянув внутрь металлического сосуда, я подумал, что воды мало — на дне виднелись лишь тусклые блики. Неспешно наполнив чайник водой из фляги с помощью ковша, я поставил его на плиту и почувствовал, как внутри меня нарастает лёгкое волнение.

Попытался зажечь спичку, чтобы разжечь огонь, но она тут же потухла, словно не желая подчиняться моим желани-

ям. Я попробовал ещё раз, но результат был тот же — спичка гасла, едва успев вспыхнуть. «Странно», — подумал я, чувствуя, как в душе зарождается лёгкое беспокойство. Тогда я решил взять свечку, которая освещала кухню, и поднести огонь к плите, чтобы вскипятить чайник. Но вдруг моё внимание привлёк шум за окном — завывание ветра стало громче, и я увидел, как мороз рисует всё более сложные узоры на стекле, словно пытаюсь передать мне какое-то послание.

«Тук-тук, мама, это ты?» — произнёс я, вслушиваясь в звуки за окном. Но в ответ снова услышал лишь стук — то ли сердца, то ли ветра, то ли чего-то ещё, неизвестного и пугающего. Приоткрыв створку окна, я почувствовал, как в комнату влетел струящийся холодок, наполненный запахом снега и мороза. И тут на пороге появился человек со странными особенностями: у него были белые волосы, словно сотканые из лунного света, и снежинка на груди в виде кулона, но она была переломанная пополам, словно символ нарушенной гармонии. Снег окутывал его с ног до головы, и он был постарше меня лет на восемь — в его глазах читалась усталость и какая-то глубокая печаль.

Повисло молчание, лишь скрип зубов нарушал тишину, и мне казалось, что даже воздух в комнате стал тяжелее. «Прости меня, Олвин, — произнёс незнакомец голосом, в котором слышались нотки отчаяния. — Я отстал от своих и заблудился в этой темноте среди мерцающих огоньков. Я не

знаю, как найти дорогу домой».

«Кто вы?» — спросил я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. И тут плита вдруг загорелась синим цветом — огонь вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил меня, а шуршащий звук прикосновения огня к металлу наполнил комнату магией, словно стены дома вдруг стали тоньше и сквозь них пробивались отголоски другого мира.

«Зови меня Зефир, — сказал незнакомец, и в его голосе прозвучала надежда. — Можно остаться у тебя на ночлег? Мне лишь нужно согреться. Я обещаю, я не займу много места».

Олвин задумался. Скоро должна была прийти мама, и я не знал, как она отреагирует на незнакомца. Но в то же время я верил в волшебство и понимал, что в этом мире я не одинок — где-то там, за пределами моего маленького мира, существуют другие миры, другие судьбы, другие возможности. «А что, если мы твоей маме скажем, что ты мой друг, и мы просто проводим время?» — предложил Зефир, и в его глазах мелькнула искра надежды.

Я согласился, но поставил условие: Зефир должен соблюдать порядок. Тогда он сможет остаться столько, сколько пожелает. Зефир принял облик мальчика — слегка белый свет преобразовал его, и он стал похож на моего ровесника. Олвин от удивления потерял дар речи, и это перевоплощение его не отпугнуло, а наоборот подталкивало к путешествию, к неизведанной магии, что произошло в этот самый момент.

У него были голубые глаза, в которых читалась доброта, волшебная улыбка, которая словно освещала всё вокруг, и всё те же белые волосы, которые теперь казались не такими пугающими, а скорее загадочными и привлекательными.

Олвин постелил ему матрас в зале рядом с печкой — там было тепло и уютно, и надеялся, что Зефир почувствует себя как дома. Накрыл его маминым пледом, который она связала своими руками, вложив в него частичку своей любви и заботы, и принёс чашечку горячего чая, от которого шёл пар, наполняя комнату ароматом. Мы остались под крышей дома при свете одной свечи, и я понял, что мир волшебной силы действительно существует — он не где-то далеко, за горизонтом, а здесь, рядом, стоит лишь впустить его!

КАРТА

В свете трепетного свечения, которое наполняло комнату мягким, почти сказочным светом, мы с Зефиром смотрели

друг на друга. Наш мальчик внимательно наблюдал, как он постепенно согревается, а его румяные щёки, словно покрытые лёгким румянцем от огня печи, придавали его лицу ещё больше таинственности и загадочности. В этот момент время будто остановилось, и весь мир сузился до размеров нашего маленького зала, где тусклый свет от лампы создавал причудливые тени на небольшой стенке, украшенной многочисленными фужерами и маминой посудой. На стенах отражались тени, которые словно танцевали в ритме невидимой музыки.

У Олвина в голове родилось множество вопросов: откуда появился Зефир, почему именно сейчас, что всё это значит? Но мысли путались, и он не мог собраться с ними. И тут их взгляды встретились — в глазах Зефира читалась невысказанная тайна, а Олвин почувствовал, как внутри него разливается волна волшебства. «Не думай слишком много, сосредоточься на главном», — словно эхо прозвучало в его голове. «Стоп, — подумал Олвин, — это ты, Зефир?» Мысленно он обратился к нему, и невидимые отголоски его мыслей, казалось, отзывались в подсознании Зефира. «Да, это я, Олвин! Я волшебное существо и могу разговаривать, не произнося слов!»

Улыбка Олвина стала ещё шире, наполнившись счастливыми мгновениями. «Это не сон, это магия!» — пронеслось у него в голове, и глаза Зефира расширились от неожиданности. Разговор, который не требовал слов, проносился в

тишине дома, наполняя пространство невидимыми нитями волшебства.

Но как Зефир оказался здесь? Что привело его? Зефир, всё ещё укрытый мягким пледом и попивающий горячий чай, решительно ответил: «Олвин, как я уже сказал, я потерялся и замёрз, но ты нашёл меня». «Но почему я? Почему именно сейчас?» — спросил Олвин. «Интересный вопрос, — ответил Зефир, — и я отвечу на него с полной уверенностью. Я стучался в каждый дом на этой тёмной улице, в каждый уголок, где светились лишь маленькие отблески света. Но только сердце, которое верит в волшебство, могло впустить меня. И это сердце — твоё, Олвин!»

«Только вера в магию делает тебя особенным», — сказал Зефир. «Да», — мысленно ответил Олвин, и Зефир почувствовал это, мило улыбнувшись. Маленький мальчик с белыми волосами, словно снег, смотрел на него с восхищением надежды.

А теперь пора спать, — проговорил Олвин и отправился в свою маленькую комнату, оставив Зефира на его спальном месте. Некоторое время Олвин не мог заснуть, размышляя о том, что в эту холодную ночь он повстречал настоящую магию. Но вскоре усталость взяла верх, и он провалился в глубокий сон.

На утро Олвин проснулся от нетерпения поприветствовать своего нового друга. В детстве так легко встать с вос-

ходом солнца — неважно, сколько времени на часах. Дети всегда бодры и полны энергии, ведь каждый день сулит новые открытия и приключения. Так и Олвин, с радостными криками вскочив с кровати, кинулся в зал своего крошечного дома: «Зефир, просыпайся!» Но, выбежав из комнаты, он ощутил внезапную грусть и печаль. Рядом с печкой, которая всё так же горела, не потухнув за ночь, не было Зефира.

Мама всё ещё не вернулась с работы — она часто задерживалась, и Олвин обычно уже спал, когда она приходила. Она не могла подкинуть дров в печку, её не было дома. Но место, где Олвин расстелил ночлег для своего таинственного друга, было прибрано: матрас аккуратно свёрнут, словно магазинный рулет с несколькими слоями, а на нём красиво сложен плед в форме квадрата.

«Неужели он ушёл?» — подумал я. Но волшебство осталось — печка продолжала излучать тепло, словно Зефир оставил его, чтобы согреть Олвина в эту зимнюю погоду.

Олвин направился на кухню, чтобы поставить чайник на надёжную газовую плиту. Не успел он зажечь спички и повернуть кнопку, как заметил на столе записку. Пергаментная бумага, старая и пожелтевшая, отличалась от школьных тетрадей. Когда Олвин коснулся её, в руках почувствовался приятный хруст. Бумага была сложена вдвое, и, открыв её, Олвин прочитал: «Мой дорогой друг! Спасибо, что приютил меня и согрел этой холодной ночью! Ты был избран, потому что ты единственный, кто верит в волшебство и магию.

Остальные об этом забыли, и поэтому только особый человек может видеть меня в такую погоду!»

Но дальше текст размывался какой-то пылью. Олвин попытался стряхнуть её, помахать листом, но пыль не исчезала. Маленькие частицы напоминали крупинки снега, но не таяли. «Странно», — подумал Олвин. Он попытался сдуть маленькие крохи, и они, поддавшись, возвысились вверх и устремились к окну.

Хоть на улице и стоял день, и окна были чистыми, когда частицы коснулись стекла, появились узоры, похожие на карту. Как в эту тёмную ночь мороз начал чертить произвольные линии, а потом Олвин повстречал Зефира. Моему восторгу не было предела — посмотрев на узоры, они образовали загадочную карту, и он отвёл взгляд чтобы дочитать оставшееся послание: «Я хотел сказать тебе спасибо. Так как ты избран, Олвин, ты готов пуститься в волшебное приключение. Мир магии под угрозой, она испаряется, и если ты не поможешь, я могу исчезнуть. Только ты можешь всё исправить, карта тебе поможет в пути. Твой друг Зефир».

В душе Олвина что-то начало колотиться — сомнения, радость, переживания, страх слились воедино. «А как же мама?» — подумал он. Не успел он закончить размышление, как слова исчезли с бумаги, и на их месте появилась карта. Олвин пристально вгляделся — на бумагу, на стекло, она стала копией карты, но солнце на стекле своими лучами поглотило её без остатка.

Он свернул пергамент вдвое, положил в рюкзак и застегнул молнию, которая отозвалась интересной мелодией, когда соприкоснулась и соединилась молния воедино. Олвин стал метаться из стороны в сторону, размышляя, когда отправиться, что для этого нужно и где взять деньги. Мама держала некоторые сбережения в шкатулке. «Воровать плохо, — думал Олвин, — но если я возьму немного для личных целей, может, она не заметит? А по возвращению я верну часть денег из школьных обедов!»

Он схватил тетрадь со школьными задачами и стал составлять список необходимого. Пишущей ручкой он криво выводил слова: «Валенки — есть», перечёркивал. «Варежки — есть», зачёркивал. «Свитер — есть. Куртка — есть». Составив список, он беглым взглядом пробежал по нему и понял, что не хватает лишь нескольких предметов. В частности, набора охотничьих предметов. «Это можно приобрести в магазине», — решил Олвин.

Он схватил свой рюкзак, выложил школьные вещи, оставив только карту в наружном кармашке, открыл мамин тайник с деньгами, взял несколько новых купюр, которые лежали аккуратно сложены и хрустели в руках, только что снятые в банкомате их небольшой деревни, оделся и отправился в магазин.

Когда Олвин закрыл дом и вступил на небольшую площадку с лестницей, он вдохнул полной грудью воздух — он стал не похож на обычный день, он отдавал приключениями

и волшебством. Яркое солнце, приобретя магический вид, наполняло этот день красками. Олвин направился к железным воротам, и вскоре его силуэт исчез за оградой.

Олвин направлялся к небольшому магазину под названием «К.Р.О.Т» («Камуфляж, рыбалка, отдых, туризм»). Восемилетний мальчик смотрел на маленькое здание магазина — безрамные стекла, казалось, соприкасались с полом, придавая месту загадочность помещения. Над дверями находилась табличка с надписью «ВХОД». Выдохнув, Олвин вошёл в помещение, где его окружила масса товаров. Глаза разбегались от изобилия, и тут к нему подошёл консультант.

«Я могу вам чем-то помочь?» — с уверенностью в голосе спросил он. Олвин достал из правого кармана сложенный в четыре раза список. «Мне нужен фонарик и комплект охотничьих приспособлений», — сказал он. Консультант с уверенностью пошёл по отделу, и Олвину пришлось бежать за ним. Со стороны Олвин выглядел неуклюже с большим рюкзаком на спине.

«Вот то, что вам нужно», — указал консультант на витрину с многочисленными товарами. «Выбирайте: есть фонарики на батарейках, есть от зарядки». Глаза Олвина разбегались от разнообразия — от маленьких до больших, с линзами и без. «Мне вот этот», — указал он на один из фонариков, который подходил по размеру. «Отличный выбор», — произнёс консультант, достал нужную вещь и молча направился в другой отдел.

Затем консультант показал охотничье оборудование. Наборы отличались размерами и ценой — от маленькой сапёрной лопатки до целого набора, который включал лопату, выкидной нож, перочинный нож, посуду, металлические стаканчики и прочее. Олвин выбрал небольшой набор, который мог уместиться в его рюкзак. В него входили сапёрная лопата, выкидной нож, открывашка, пара тарелок, ложек и стаканов, а также несколько мелких предметов.

Я указал пальцем на нужный товар. «Хороший выбор», — одобрил консультант. Они подошли к кассе, и Олвин расплатился. Поблагодарив, он вышел из магазина. Его ждало удивительное приключение. Вспомнив про карту, Олвин достал её и посмотрел. Карта вела его от самого дома, и маршрут до магазина был на ней отмечен. И правда волшебство подумал я. Оставалось лишь выйти на тропинку, которая светилась золотистым цветом, и без промедлений, вооружившись, поправив лямки на своих плечах, Олвин отправился в путь.

ТИХИЙ ШЕПОТ ЗЕРКАЛА

Не успел Олвин вступить на почищенную от снега парковку возле магазина, как в его голове тут же зазвучали мысли

о предстоящих приключениях. «Путешествия ждут!» — подумал он с волнением и неспешно двинулся к дороге, внимательно всматриваясь в маршрут, которая находилась у него в маленьких ручках. Карта была старинной, с потёртыми краями, и казалась почти живой.

Он размышлял о том, что если маршрут на карте показывает его шаги, словно ботинки, отмеченные на пергаменте, то он быстро найдёт нужную дорогу. «Интересно, — рассуждал он, — если следовать указаниям, то путь обязательно приведёт меня к цели». Но вдруг карта засияла мягким светом, и маршрут, который был изображён на ней, резко поменял свои координаты! Олвин остановился в изумлении, не в силах поверить своим глазам. Волшебство старой бумаги поразило его до глубины души. Изначальная дорога медленно таяла, как сосулька, свисающая с крыши дома, а на её месте постепенно показывался новый путь.

Краем глаза Олвин заметил, что тропинка вырисовывается вновь, но она была короче предыдущей. От места, где он стоял, к его дому вела золотистая линия. Схема явно указывала, что нужно вернуться к истокам, откуда всё и началось. «Дом, — подумал Олвин. — Но почему? Зачем диаграмма хочет, чтобы я вернулся в исходную точку?» Однако карта лишь отметила пункт назначения, поставив черный крестик на старом листке.

«Это загадочное приключение! — подумал Олвин. — Если оно показывает, то стоит на это обратить внимание». Он

снял рюкзак с одной лямки, которая держалась на его плечах, расстегнул замочную застёжку, аккуратно сложил путеводитель вдвое и убрал его обратно. Восьмилетний мальчик направился в сторону дома, с нетерпением ожидая новых открытий. Ему не терпелось узнать, что ждёт его впереди и почему карта вернула его в начало.

По пути Олвин здоровался с соседями и знакомыми. Они интересовались, почему он такой счастливый. Мальчик отговаривался тем, что день просто идеально подходит для нового приключения, а в глазах сияла искра. Когда он подошёл к своим зелёным воротам, которые излучали свет изумруда, большие хлопья снега кружили вокруг, словно исполняя медленный и слаженный вальс. Олвину нравился небольшой снегопад и яркое солнце этого дня.

Железная дверь слегка скрипела при открытии — так влиял небольшой мороз, который оставил иней на петлях металлической двери после ночной бури. С некоторым усилием Олвин открыл дверь и вошёл на небольшую поляну, покрытую лёгкими снежными сугробами. Он направился к входу своего маленького частного домика. Чтобы убедиться, что движется в правильном направлении, мальчик открыл рюкзак и снова взглянул на магический график. На ней отобразились его крошечные ноги, которые моргали, а на нарисованном домике стоял крестик, но уже красного цвета, а не чёрного. «Значит, нужно войти в дом, я близко», — подумал он.

Олвин открыл дверной замок небольшим ключом, который прятал под навесом. «Странно, — подумал он, — мама ещё не пришла. Где она? Она точно должна быть дома». Он вставил ключ в замочную скважину и повернул его по часовой стрелке. Дверь открылась, и мальчик вошёл в дом.

Преодолев сенки, Олвин зашёл напрямик на кухню. Она была такой же маленькой, как и этой ночью, когда с ним случилось волшебство. На столе лежал свёрнутый лист. «Зефир вернулся!» — подумал Олвин, и кинулся за листом, когда развернул бумагу. Это оказалось Мамино письмо с просьбой не ждать её сегодня, так как она задержится по делам. Олвину это было как раз на руку. Не успев снять валенки, он открыл карту и, обдумывая дальнейшие действия, заметил, что крестик стал синим. Сначала чёрный, потом красный, когда он находился рядом с домом, а теперь синий. «Значит, цель где-то рядом, но где?» — задавался он вопросом.

В изумлении и трепете от накативших волнений Олвин стал пробираться в зал. И тут крестик слегка засветился необычным сиянием, которое было похоже на то, что издавал Зефир, когда перевоплотился в маленького мальчика. Чем ближе Олвин подходил, тем сильнее становилось сияние. Его взгляд упал на деревянную шкатулку с резными краями, узорами, которые выполнены вручную и покрашенными морилкой. Казалось, что шкатулка до сих пор хранит резкий запах краски, который буквально впивался в нос и вызывал желание чихнуть.

В шкатулке произнес он шепотом, тихим, и загадочным!

Олвин чихнул так громко, что казалось с шифонера посыпятся фужеры, и это был знак — если верить старым приметам, чих означает знак согласия. «Точно, мамина шкатулка!» — быстро взял он и аккуратно поднял её, стараясь не уронить и не повредить содержимое. Аккуратно приоткрыв ларец и подняв крышку, он увидел золотистые маленькие петли, украшающие её в качестве декора. Внутри лежали помада, подводка, пудра, лак и другие приспособления, которые помогают девушкам и женщинам выглядеть ослепительно. Среди вещей Олвин заметил карманное зеркало — Мамино зеркальце. Оно было старинным и заметно выделялось среди современных пластиковых изделий. Деревянная окантовка и резной рисунок на крышке в виде дерева с нежно опадающими лепестками придавали зеркальцу особый шарм.

Олвин неторопливо открыл мини-зеркало и, когда увидел в отражении свой взгляд, почувствовал, как его окутывает снежный вихрь. Снежинки парили в воздухе, образуя силуэт Зефира. Волшебное существо предстало перед ним в виде проекции.

— Привет, мой друг! — обратился Зефир к Олвину. — Ты избранный, потому что искренне веришь в волшебство. Помнишь нашу первую встречу? У меня на груди был амулет в форме снежинки. Я вложил половину своей магии в этот неодушевленный предмет, а затем постучался к тебе. Спасибо за тёплый приём!

Зефир объяснил, что зеркальце уникально и будет сопровождать Олвина на всём его пути. Каждая частичка волшебства хранится в нём. Когда Олвин снова взглянул в зеркальце, оно заговорило тихим бормотанием, и начало рассказывать о могущественном и ужасном бытии. По ту сторону за зеркаля сгущались тучи, и появилось мистическое злое существо — Грибар. Он выглядел как человек, но его тело обвивали маленькие грибы разной формы. Голова Грибара напоминала поганку с крапинами белого цвета на красной шляпе.

Когда-то Грибар был добрым, но заточение в темнице, куда его заключили предки Зефира, озлобило его. Ненависть росла веками, и одиночество в магической темнице развило его способности. Грибар стал считать себя высокоразумным существом и в конце концов покинул темницу, сломав печать. Наши предки думали, что Грибар никогда не сможет выбраться, как глубоко они ошиблись. После побега он захватил разум всех волшебных существ в их мире, и мир магии стал угасать.

— Нас осталось мало, — продолжило зеркало. — Мы бежали, создавая выюги и метели, чтобы защитить человечество от нечести. Но действия Грибара запустили цепочку событий, которая может изменить весь мир. Он хочет поглотить не только мир волшебства, но и завладеть разумом людей в своих коварных целях.

Олвин долго всматривался в зеркальную поверхность, на

которой возникали и исчезали разнообразные изображения — словно кадры из чужой жизни или фрагменты забытых снов. Шепот зеркала окутывал его, проникая в самое сознание и будоража воображение. Он видел лица, пейзажи, странные картинки — всё это мелькало перед глазами, не давая сосредоточиться. Наконец, он закрыл своё отражение, словно пытаясь отгородиться от этого потока видений. Затем Олвин перевёл взгляд на Зефира — волшебное существо с белой причёской и голубыми глазами, полными древней мудрости. И в этот момент его осенило: теперь он понял, почему Зефир постучался в его дверь. Всё стало на свои места — загадки, которые мучили его последнее время, начали складываться в единую картину.

Но проекция Зефира, не теряя ни секунды, продолжила загадочный рассказ за говорящим зеркало, словно читая мысли Олвина и одновременно раскрывая перед ним неведомые горизонты: — Я увидел в тебе надежду и спасение, поэтому ты и стал избранным. В этих словах звучала не только уверенность, но и какая-то необъяснимая сила, которая заставляла Олвина слушать, затаив дыхание. Небольшое свечение, внезапно вспыхнувшее перед ним, на мгновение ослепило его, заставив зажмуриться. Но уже через несколько секунд свет постепенно угас, оставив после себя лишь лёгкое послевкусие удивления и предвкушения чего-то невероятного. Олвин стоял неподвижно, пытаясь осознать услышанное и понять, что ждёт его впереди.

КЛЮЧ

Олвин остался в одиночестве с магическим зеркальцем в руках. Он так отчаянно хотел, чтобы его верный друг Зефир

оказался рядом и помог ему в дальнейшем пути! Но Зефира не было — лишь пара загадочных подсказок, таинственная карта и волшебное карманное зеркало. Олвин стоял несколько минут, погружённый в воспоминания, и перед его глазами вновь и вновь всплывали обрывки того, что он увидел в зеркале таинственного Грибара. «Куда мне теперь идти? Что делать?» — без конца задавал себе вопросы маленький мальчишка. Он остро осознавал, что судьба всего мира висит на волоске, а чары иного мира, в которые он так искренне верил, могут вскоре исчезнуть навсегда.

Маленький зал крошечного дома словно наполнился тоской и разочарованием, но в добром сердце Олвина всё ещё бились искры надежды — он верил, что подсказка где-то рядом, нужно только её найти. Мальчик взял в руки старый пергамент, надеясь, что она укажет ему путь, и уселся за деревянный стол. Перед собой он разложил два магических предмета — путеводитель и зеркало — и стал пристально вглядываться в них, надеясь увидеть хоть какой-то знак, подсказку, как тогда, когда схема привела его к дому, переливаясь всеми оттенками радуги. Но молчание не давало ответов, и на мгновение Олвину показалось, что это конец пути. Ни намёков, ни указаний на то, что будет дальше, ни малейшей ниточки, за которую можно было бы ухватиться.

Отчаявшись, он решил немного отвлечься и разогреть себе чашечку чая. Поднеся металлический чайник к газовой плите, Олвин краем глаза заметил, что карта начинает ме-

няться. Он резко обернулся, уселся на слегка поскрипывающий от забитых гвоздей деревянный стул и стал внимательно наблюдать за происходящим. «Ну конечно, карта всегда укажет путь! Что делать дальше? Покажи мне дорогу!» — мысленно умолял Олвин.

И вдруг карта исчезла, а на её месте появились загадочные письма, словно те, что он видел утром, когда Зефир покинул его и оставил записку на этой бумаге. Надпись начала проявляться, и Олвин с замиранием сердца прочитал: «Создай свой Ключ, который откроет любую дверь, и не теряй его. Сохрани свой амулет». «Ключ? Но как мне его создать? С чего начать? Покажи!» — в отчаянии воскликнул мальчик. Но буквы остались неподвижными, и он понял, что подсказок больше не будет.

Погрузившись в глубокие раздумья, Олвин вдруг услышал шёпот зеркала. Он сразу открыл мини-зеркало, надеясь на помощь. Зефир говорил ему, что зеркало будет помогать на всём пути, но сейчас Олвин видел лишь своё отражение. Вспомнив сказки, которые он часто смотрел, мальчик обратился к зеркалу: «Зеркальце, скажи, да всю правду доложи!» И тут шёпот отозвался: «Я слушаю тебя, Олвин. Каков твой вопрос?» Мальчик был в восторге — магия действительно творила чудеса!

«С чего мне начать, чтобы создать ключ? Смогу ли я это сделать?» — спросил Олвин. Тихий голос ответил: «Если ты веришь в волшебство и был избран одним из существ, то ты

можешь создавать что пожелаешь». «Даже конфеты?» — перебил его Олвин, не в силах сдержать любопытство. «Даже конфеты, мой мальчик», — с нежностью отозвался голос.

«Но как мне создать ключ? Что нужно делать?» — снова спросил Олвин. «Найди ингредиенты для ключа, а потом частичку магии. Без волшебства ты не сможешь создать то, что тебе нужно», — прозвучал ответ. «Но ты же магическое зеркало, ты мне поможешь?» — с надеждой спросил мальчик. «Я помогаю, направляю и подсказываю, — проговорило отражение. — В мире много магии, и ты должен почувствовать её, не прибегая каждый раз за помощью ко мне. Сначала собери пазл из нужных ингредиентов, чтобы создать то, что тебе поистине нужно».

Олвин решительно направился к гаражу, который примыкал к дому. Выбежав из дома, он схватил ключи от гаража, которые висели в замке входной двери, и поспешил к хранилищу, где лежали инструменты, которыми они с мамой часто пользовались. Там были шуруповёрт, болгарка и многое другое оборудование, которое облегчало им жизнь. Распахнув дверь гаража, Олвин стал внимательно осматривать инструменты и материалы, размышляя, что ему понадобится для создания ключа.

Его взгляд упал на несколько металлических пластин небольшого размера. Мама всегда говорила, что в хозяйстве пригодится всё, и сейчас эти пластины могли стать основой для ключа. Олвин собрал металлические предметы у себя в

мастерской и, вернувшись в дом, начал рисовать эскиз будущего ключа в тетради. Он хотел изобразить богатый ключ с резными отверстиями, но понимал, что с помощью болгарки вряд ли сможет добиться такой тонкости. В итоге он набросал простой, но функциональный эскиз: головку, стержень и вырезы под выступ ключа.

С чувством воодушевления Олвин приложил макет бумаги к железной пластине и гвоздём выцарапал рисунок, чтобы он хоть как-то отобразился на стали. Воспоминания о том, как он срисовывал рисунки на уроке ИЗО, наполнили его радостью — он был счастлив, что эти навыки пригодились ему сейчас.

Взяв болгарку в свои руки, Олвин подсоединил шнур питания к домашней розетке и начал аккуратно выпиливать контур ключа. Он медленно водил распиловочным диском по линиям, и постепенно у него стал вырисовываться замысловатый рисунок. После того как он закончил работу, он нарезал маленькие бороздочки, слегка отшлифовал края, и в его руках лежало готовое изделие. Хотя ключ и получился не совсем ровным, это лишь придавало ему индивидуальный вид. Такой магической отмычки точно ни у кого не было!

Вернувшись в дом, Олвин положил заготовку рядом с зеркалом и снова обратился к нему. «Ну? Чего ты ждёшь? Давай помогай вдохнуть магию в этот ключ!» — сказал он. Голос из зеркала ответил: «Я же говорил, ты сам должен его создать и запустить в него волшебство. Я думаю, тебе по си-

лам это сделать. Но где я возьму частичку волшебства?» — в отчаянии спросил Олвин. «А это, Олвин, ты должен сам понять. Они разбросаны повсюду, надо лишь научиться видеть и чувствовать их, и ты найдёшь», — прозвучал ответ.

Восьмилетний мальчик не понимал, как можно вдохнуть в ключ колдовство. Он закрыл глаза и попытался почувствовать магию. В его памяти всплыл вечер, когда он встретил Зефира во время бури. «Точно! Плед! — подумал Олвин. — Я укрывал Зефира той ночью, и частичка магии должна храниться в нём!» Он зашёл в зал, где на свёрнутом матрасе аккуратно сложенный находился плед, и оторвал от него вязаную нить. Сделав небольшой узелок, он скрепил две нити между собой и вернулся к зеркалу. «Вот, я нашёл! — показал он нитку невидимому шепоту. — Теперь ты должен создать артефакт, но помни, надо лишь верить».

Олвин вложил нить между пальцев, соединил ладони, как будто молится, и закрыл глаза. «Я верю, я верю», — мысленно повторял он. Внезапно его руки засияли, свет пронзил маленькую кухню, и он увидел невероятное излучение, что исходило от него. Обхватив ключ, он почувствовал, как нить слилась с ним воедино. Ключ преобразился: его грани стали ровными и красивыми, а две полоски от нити придавали ему загадочный и неповторимый вид.

Олвин расплылся в улыбке, но радость была недолгой, он оказался в крошечной темноте за секунду. Из-за спины раздался злобный голос, и мальчик обернулся. Перед ним сто-

ял его собственный силуэт, но он отличался от него: от него пахло грибами, а кожа была усыпана незнакомыми прыщами. «Кто ты?» — спросил Олвин. «Зови меня Тень. Я лишь силуэт в твоём подсознании», — ответил профиль. Олвин сразу понял, что перед ним стоит нечто злое и коварное. «Ты Грибар?» — спросил он. «Браво, браво! — посыпались аплодисменты. — Я могу повелевать разумом и завладеть любым человеком. Но почему ты не можешь завладеть мной?» — спросил Олвин. «На дальних расстояниях я не могу завладеть разумом человека, но я могу поговорить с ним через его сознание», — ответила его собственная фигура. «Как ты проник так быстро в моё подсознание?» — спросил Олвин. «Ты воспользовался магией из моего мира, и я увидел тебя. Я пришёл, чтобы сказать, что я уже иду! Берегись!» — ответил очерк и растворился в воздухе, словно чёрный дым.

Олвин очнулся на полу, его сковывал страх от того, что грядет. Только зеркальце и карта остались на своих местах не тронуты. «Зефир, где же ты? Ты бы помог успокоить мою тревогу», — прошептал он.

МИР ДУХОВ

Олвин лежал на уютном ковре, который был постелен в маленькой, почти уютной кухне, наполненной тёплыми от-

тенками. Его взгляд был устремлён к потолку, украшенному причудливыми узорами, которые словно оживали в лучах солнца. «Вставать, пора подняться», — подумал он, ощущая, как внутри него борются противоречивые чувства. С одной стороны, ему не хотелось покидать этот уютный уголок, с другой — его манили неизведанные горизонты и приключения.

Олвин вспомнил, как недавно провалился в собственное подсознание и встретился там со своим протее, но тот предстал перед ним в более омерзительном облики, чем он мог себе представить. Это видение оставило в его душе тяжёлый след, но в то же время пробудило в нём решимость бороться со злом.

Он аккуратно встал, стараясь не нарушить идеальный порядок в доме. Его валенки, словно боясь нарушить тишину, не оставили ни единого следа на ковре. В руках Олвин держал магический предмет — ключ, который он сотворил с помощью своих ладоней. Этот ключ был не просто предметом, а символом его силы и предназначения. Ещё один магический предмет он положил рядом с двумя остальными — картой и зеркалом. Эти предметы были не просто вещами, они были связующими нитями между миром людей и миром магии.

Олвин взял рюкзак, который лежал на полу, и начал складывать в него вещи. Он аккуратно укладывал карманное зеркало, карту, и уже хотел вложить в рюкзак последний ма-

гический предмет, когда на подоконнике появилась милая кошка. Она мяукала, словно пытаясь что-то сказать, и её необычный окрас, похожий на сибирского кота, сразу привлёк внимание Олвина. Кошка казалась огромной из-за своего объёма, а её глаза, тёмно-зелёные, как сапфиры, таили в себе какую-то загадку. Олвин пристально вглядывался в них, пытаясь понять, что хочет сказать это животное.

«Брысь отсюда, я тебя не ждал, ты не вовремя, брысь, я сказал!» — произнёс Олвин, но кошка умоляюще смотрела на него, продолжая издавать звуки отчаяния. Она словно просила впустить её в дом, и Олвин, несмотря на свои первоначальные намерения, не смог устоять перед её взглядом.

Он приоткрыл дверь сеней и заметил, что кошка спрыгнула и направилась к входным дверям. Вскоре он приоткрыл дверь, и она быстро забежала в дом, словно замёрзла. «Стой, тебе сюда нельзя!» — крикнул он ей вслед, но маленькое животное уже скрылось из его поля зрения. Когда Олвин зашёл в дом, он увидел, как кошка мило вылизывала себя, умывалась, и её лапка скользила по языку.

«Тебе сюда нельзя, — проговорил Олвин. — Если тебя мама увидит, она будет в ярости. У нас нет кошек, так как у мамы аллергия на любых животных! Слышишь? Поэтому мы не ждём незваных гостей! А ты гость с очень интересным оттенком глаз. Первый раз вижу такое». Олвин стал пристально вглядываться в загадочно-зелёные глаза животного. В этот момент животное и человек встретились взгля-

дами, и между ними словно пробежала искра понимания.

«Ты, наверное, кушать хочешь? Сейчас погоди, у меня в холодильнике есть колбаса, думаю, тебе понравится!» — сказал Олвин и быстро развернулся, чтобы достать кусочек уже нарезанной колбасы. Он скормил его непрошенному гостю, и с умилением наблюдал, как кошка с аппетитом уплетает лакомство.

«Ещё?» — спросил Олвин. «Нет, спасибо, Олвин», — неожиданно проговорила кошка мягким голосом. В душе мальчика что-то дрогнуло — то ли радость от осознания, что волшебство действительно существует, то ли страх перед неизвестностью. Смешанные чувства переполняли его, и он не знал, как реагировать на происходящее.

«Не паникуй, — проговорила кошка. — Я нежданно появилась, потому что мне нужна твоя помощь. Наш мир под угрозой, и он идёт». В воздухе повисла неловкая пауза, словно имя этого злодея нельзя было произносить вслух. Олвин медленно кивнул, понимая, о ком идёт речь.

«Помощь в чём?» — спросил он. «Увидишь в магическом мире, понимаешь о чём я?» — ответил гость. Олвин кивал, впитывая каждое слово, как губка впитывает воду. Он чувствовал, что перед ним открывается новый мир, полный тайн и опасностей, и он готов был принять этот вызов.

Диалог прекратился, и молчание затянулось. Олвин снова задал вопрос: «Куда я должен идти и в чём моя цель?» Но глаза животного сверкнули. Он решил притронуться к ней,

но она лишь мурлыкала. Её сапфировые глаза, которые манили его, вдруг стали обычными тёмными.

«Ты меня слышишь?» — спросил Олвин. «Странно, — подумал мальчик. — Может, мне ключ поможет?» Как только он взялся за ключ, кошка спрыгнула с кухонного стола и направилась к выходу. Олвин выпустил её, и как только она покинула дом, он заметил необычное явление: при маленьком контакте ключа с дверью у неё появлялся замочный проём. Он убрал ключ — проём исчез, поднёс ближе — появился снова.

«Мир магии ждёт», — подумал мальчик с радостью. Он схватил рюкзак, закинул его на плечи, ровно встал, переводя дыхание, выдохнул и поднёс ключ к входным дверям своего маленького дома. Отверстие для ключа снова появилось. Он вставил ключ и провернул его. Дверь словно ожила: она светилась ярким светом, и её маленькие частицы магии словно прикасались к его лицу. Олвин шагнул вперёд, и яркий свет ослепил его. Он зажмурил глаза, и на секунду вспышка исчезла. Когда он узрел, то оказался в интересном лесу.

Стволы ярких деревьев возвышались до небес, их краски переливались в ярком свете, создавая множество оттенков светло-зелёного мира. Где-то слышалось пение птиц, их голоса завораживали и наполняли душу умиротворением. Олвин, поражённый красотой этого места, схватился за рюкзак, подтянул лямки и неспешно двинулся вперёд, рассматривая каждый камень, каждую усыпанную листьями тропинку. Но

вдруг раздался раскат грома и молний, словно предупреждая о чём-то недобром.

Олвин без промедлений кинулся сквозь пучину деревьев и вдруг резко остановился, стоя на большом обрыве. Маленькие камешки сыпались в бездну, создавая тревожный шум. «Ты всё-таки пришёл», — отозвался голос за спиной мальчика. Он обернулся и увидел прозрачный силуэт, напоминавший духа. Его ноги парили в воздухе, а крылья были прекрасными, словно у зубной феи, что мама рассказывала, когда выпадал молочный зуб. Его знакомые мне уже темно-зеленые сапфиры, как будто смотрели сквозь тело, и видели настоящего меня.

«Кто ты?» — произнёс Олвин, и его маленькие усики на голове зашевелились, как будто он ловит радиоволны.

«Я дух. Это я позвал тебя. Ты незванный гость, который пришёл ко мне домой? Верно, проговорил Олвин. Это мир духов. Этот лес был ещё прекрасней, но магия покинула нас, и время словно остановилось». Маленький мальчик устремил свой взор вдаль и увидел чёрные тучи, которые сгущались за горизонтом. Раскаты грома отдавались эхом до обрыва, где находился наш герой.

«Да, вижу, но что это?» — спросил Олвин. «Это идёт Грибар. Когда он охватит наш мир, мы исчезнем, переместимся в небытие. Я не знаю куда, — говорил дух, — но я знаю, что волшебство исчезло, мосты разрушены, и то, что связывает нас с вашим миром, тоже исчезнет».

Олвин почувствовал страх и переживания. «А где все остальные?» — спросил он. Дух взмахом руки оживил вокруг себя некоторое пространство, и над каждой тропинкой, по которой недавно проходил Олвин, над каждым камешком виднелись маленькие клубочки прозрачных существ.

«Что здесь произошло?» — спросил Олвин. «Они спят, — ответил дух. — Я был в мире живых, когда это произошло, но когда вернулся, я увидел, что все уснули крепким сном. Я пытался разбудить всех, но мои попытки были тщетны. С каждым днём моя магия исчезала».

«Но как ты оказался в мире живых людей?» — спросил Олвин. «Наше волшебство поистине невероятное, — ответил дух. — Мы можем прийти в любом облики и принять любой образ. Мы же духи, но так сложилось, что волшебство иссякло, и я смог вселиться только в животное, поэтому ты и повстречал на своём пороге неожиданного гостя».

«Но как вы допустили такого?» — спросил Олвин. «Посмотри ещё раз за горизонт! Видишь там большое дерево без листьев? Это дерево времени, оно живое и служит сердцем нашего мира, мостом, магией», — сказал дух. Олвин уставился вдаль и тут же перебил духа: «Раз дерево живое, значит, разум его тоже живой, и Грибар захватил его! Верно?» «Да, Олвин, всё правильно», — подтвердил дух.

«Я старался беречь силы, чтобы рассказать свою частичку истории, но теперь мне пора», — сказал дух. Олвин почувствовал, как уходят последние искры магии. Он подбежал к

духу, хотел ухватить его, но его руки просто проскальзывали сквозь прозрачное тело, как ветер, за который невозможно ухватиться. «Стой, стой, что мне делать?» — воскликнул он. Слегка живой отголосок ответил: «Душа, береги душу, маленький мальчик, и свою веру. Путешествие сюда будет забирать частичку твоего существования». О чем ты? Я не понимаю, говорил Олвин.

И тут наступила гробовая тишина. Дух уснул рядом со своими сородичами, словно часы остановились и заморозило всё вокруг. Олвин понимал, что, возможно, Зефир и пришёл в качестве духа, после чего исчез из его дома и потерялся в этом мире. Где-то он сладко спит, под властью самого ужасного, устрашающего Грибара.

КРИСТАЛЛ

Олвин с умилением наблюдал, как милый призрак издаёт звуки, похожие на человеческие, но такие нежные и ме-

лодичные.

«С чего же начать?» — задумался он. И тут же, словно по велению невидимой силы, он поднялся, подошёл к краю обрыва и стал вглядываться в даль. Перед ним возвышалось огромное дерево, листья которого, вероятно, уже опали. Возможно, именно туда ему следовало отправиться. Он взглянул вниз. «Да, слишком высоко», — подумал Олвин. Над ним в переливающемся свете раскинулось множество стволов зелёных елей, напоминающих мох, если смотреть с высоты. Через них пролегал путь, но как же его найти?

Словно молния пронеслась в его голове, и внутренний голос подсказал: «Загляни в карту!» Он снял рюкзак, который был не очень тяжёлым, — в нём лежало снаряжение и три артефакта, полученных от загадочного существа. Расстегнув молнию, он достал старую пергаментную бумагу и развернул её. Чертеж показывал его местоположение, обозначенное мигающими маленькими ботинками, и золотистую тропинку, ведущую через лес.

«Так, я здесь, — указал он пальцем на карту, — а мне нужно идти к дереву, что стоит за горизонтом. Не близкий путь, — подумал мальчик. — Но теперь главная задача — спуститься со скалистой местности».

Он сунул карту в карман, почувствовал, как становится жарко, снял зимнюю куртку и шапку и положил их в ранец. Взглянув на валенки, он улыбнулся: «Ну что ж, придётся не снимать их. Надеюсь, это не повредит ступням».

Собираясь закрыть рюкзак, он обратил внимание на лежащий там ключ, украшенный двумя нитями от тёплого пледа. «А что, если создать из одной из нити одну верёвку — прочную, по которой можно спуститься?» — мелькнуло у него в голове.

Он достал прекрасный ключ, созданный своими руками, положил перед собой, сложил ладони вместе и закрыл глаза, вызывая с верой к своему подсознанию: «Прошу, магия, услышь меня, я вновь призываю тебя на помощь! Я верю в тебя, как верю в этот волшебный мир!» В тот же миг его руки озарились сиянием. Олвин взглянул на них и произнёс: «Хочу, чтобы одна из нитей превратилась в канат», — и коснулся ключа. Произошло мгновенное волшебство: перед ним оказались два предмета — ключ с оставшейся нитью и толстая верёвка, аккуратно свёрнутая в круг.

На мгновение сознание Олвина помутнело, он провалился в глубины разума, где всплыли недавние события. Он увидел маленького призрака, находившегося где-то рядом, и своё собственное отражение, будто в зеркале, и услышал голос духа: «Душу... береги душу...» И тогда он очнулся от этого короткого забытья.

«Магия не живёт здесь, но она есть во мне, потому что я не из этого мира. Каждый раз, когда я её призываю, она забирает частичку моего пребывания в этом мире», — с грустью подумал Олвин.

Радости не было предела, когда он увидел аккуратно ле-

жащие перед ним предметы. Быстро убрав волшебный ключ в снаряжение и схватив верёвку, он надел рюкзак.

Оглядевшись, он закрепил верёвку на одном из хвойных деревьев, обвязал себя вокруг талии и подошёл к краю утёса. Взгляд вниз вызвал головокружение, и он отпрянул, но, глубоко вдохнув, решительно начал спускаться. Медленно и осторожно, цепляясь за трос и нащупывая ногами склон, он периодически останавливался, чтобы перевести дыхание.

«Ещё чуть-чуть...» — повторял он себе. И вот уже показалась земля, оставалось лишь ступить на неё, но в этот момент верёвка оборвалась. Он рухнул вниз, как мешок с картошкой, и дыхание захватило.

Олвин начал жадно хватать ртом воздух — падение было несильным, но пришлось на бок, отбив некоторые органы. Когда дыхание наконец выровнялось, он поднялся, отряхнулся и подобрал верёвку, упавшую следом. Взглянув на конец каната, он понял: «Перетёрся». Главное, что наш путешественник отделался лишь лёгким испугом!

Поправив заплечный мешок, он уставил взгляд на высокое дерево, которое было видно даже среди леса. Оно было так близко и так далеко... Мальчик двинулся вперёд, но не успел он преодолеть и несколько шагов, как послышался треск, напоминающий хруст ломающегося сельдерея или шинкованной капусты, и дерево стало медленно падать, подняв облако пыли и вызвав порыв ветра от падения чего-то огромного. Пылинки донеслись до лица Олвина и медленно

осели на его румяных щеках.

«Сердце, — подумал он, — сердце этого мира разрушено». А раскаты грома и молний усилились, приближаясь. И тут Олвина накрыла печаль: неужели он не успел? «Нет, нет, нет», — нервно проговаривал он и быстро сунул руку в мешок.

Достав лист, он посмотрел на него, и путь у него на глазах стал таять, преобразовываясь в новую картинку, которая была ближе, чем то древо. Ему стоило обогнуть небольшой участок. Но куда он вёл, оставалось загадкой!

Выбора не было, пришлось двигаться дальше, через высокие дебри заблудшего леса. Олвин погружался всё глубже и глубже. Куда вёл его путь? Он часто открывал свой путеводитель, чтобы свериться: совпадают ли его шаги с золотистой нитью, ведущей в неизвестность.

Наверное, прошло немного времени — около трёх часов, — как он достиг пункта назначения. Перед ним проявилась мистическая пещера. «Темно и сыро», — подумал мальчик. Страх подступал всё ближе, но он старался от него избавиться, проговаривая: «Там нет ничего страшного, ничего, как нет и монстра под кроватью». А после послышалось эхо, отразившееся в глубокой темноте его же словами.

Собрав всю волю в кулак, Олвин шагнул вперёд и скрылся по ту сторону подземелья. Его силуэт моментально растворился в черноте, не оставив вокруг ничего. Но тут помещение озарилось ярким светом; ослепительные лучи заста-

вили мальчика зажмуриться, будто кто-то шёл в атаку. Вскоре свет начал меркнуть, а подземный комплекс стал преобразаться. Он увидел махровый ковёр, напоминавший газон, который вёл к огромному камню, а на нём кто-то спал, свернувшись клубком.

Чем ближе Олвин подходил, тем синий свет преобразался в ярко-голубой. Говорят, голубой цвет успокаивает. Он тихо вступил на дорожку, которая была мягкой, как зефир.

— Эй, вы меня слышите? — шёпотом произнёс он спящему.

Голос его отразился от стен, придав звучанию силу, которая донеслась до слуха призрака.

И тот восстал в виде злобного стража огромных размеров, а голубые бабочки пархали над ним, создавая тайну склепа. Его глаза полыхали белым светом, на голове красовалась корона, обвешанная разными монетами и амулетами с надписями на неизвестном Олвину языке, нос был картошкой, а мягкие губы словно принадлежали не мужчине, а женщине. Но тембр голоса усиливался.

— Кто осмелился нарушить мой покой? — злобное эхо донеслось до маленького мальчика.

Он стоял непоколебимо и уверенно.

— Это я, простите.

Призрак заметил его — маленькое тело, словно кроха, похожее на новорождённого младенца; оставалось только взять Олвина на ручки и спеть колыбельную. И тут оттенки голу-

бого излучения пархающих бабочек прикоснулись к фантому, и он сжался до масштабов Олвина, превратившись в прекрасную девушку-подростка.

— Я чувствую, — произнёс дух, обходя вокруг и осматривая мальчишку, — в тебе ещё теплится волшебство, Олвин! Но плата за его использование может быть высокой.

— Откуда вы знаете моё имя? — проговорил мальчик.

— Мой дар... или проклятье — знать всё о тех, кто приходит сюда. Но ты здесь не случайно, — говорило сияние. — Ты избранный, я вижу это.

— Но...но кто ты? — слегка дрожащим голосом, с капельками пота на лбу, задавал он вопросы призраку.

— Не бойся меня, малыш, — ответила девушка-спектр мелодичным тоном.

И тут напряжение спало, и Олвин почувствовал спокойствие.

Её милый голосок отвечал на вопросы маленького путешественника.

— Я — Стерегущая. У меня много имён: Берегущая, Следящая — как твоей душе угодно! Я охраняю это место от злых и потерянных душ.

— Но от чего?

— От них самих, глупенький, — рассмеялась она, внушая ему частичку надежды.

Я знаю, почему ты здесь. Тебя привела карта, и ты ищешь ответы на многочисленные сомнения, которые поселились в

твоей голове. Олвин внимал и медленно кивал в знак согласия.

Пот усиливался, круглые капельки скатились по его лицу. Ногам стало жарко, казалось, кровь вот-вот закипит в жилах.

— Я слушаю тебя, странник. Каков твой первый вопрос?

Олвин сглотнул ком в горле и набрался смелости произнести вслух, но тут его остановил призрак:

— Задавай вопрос правильно.

— Что произошло с деревом в этом мире?

И тут, по волшебству, голубые нити вознеслись вверх — словно в этом подземелье жила сама магия — и стали выжигать на тропинке замысловатые узоры. Оберегающая создавала иллюзию, не прикасаясь к ним.

— Грибар всему виной. Он истощил это древо, сердце мира, и равновесия, баланс был нарушен.

— Но магия пропала... Как вам это удастся?

— О, малыш, я древнее существо. Мне несколько тысяч лет, и ты думаешь, что волшебный мир один? Ты глубоко заблуждаешься. Наша вселенная состоит из многочисленных атомов, и я могу черпать эту магию из разных миров, неподвластных мне временам!

— Так вот, — продолжила Стерегающая, — Грибар забрал жизненные силы дерева, и оно рухнуло. А вместе с ним скоро переместится в небытие, в пустоту и мрак весь мир. И на очереди будет ваш человеческий род. Всё, что ты знал о нём и что тебе дорого, исчезнет, а Грибар поработит его для сво-

их нужд.

Олвин думал, как задать правильный вопрос. Он смотрел на выжженное изображение перед собой, потом поднял взгляд.

— А я могу спасти этот мир... и всех людей?

Призрак, парящий в воздухе в облике красивой девушки, начал образовывать магический круг голубого оттенка. После него появились три предмета, похожие на кристаллы необычного происхождения. Они переливались отблесками по всему ущелью.

— После разрушения дерева эти кристаллы разбросались по миру. Первый — белый кристалл, отвечающий за жизнь. Синий — за душу. И красный — за сердце. Эти три артефакта затерялись, но если ты сможешь отыскать все, то родишь дерево, и оно обретёт былое величие и силу.

— А как же Грибар? Не захватит ли он разум снова?

— Когда ты соберёшь пазл, дерево будет под защитой. Грибар сломает её не за один день — у него ушли годы, чтобы сломить и завладеть деревом жизни.

— Так как ты мне нравишься, Олвин, я дам тебе первую подсказку о нахождении кристалла жизни. Загляни в свой тайный карман — я отметила его для тебя!

Наш мальчик достал потёртый временем листок из своих штанов — тот самый, что убрал при входе, чтобы не лезть в сумку. Он развернул его и увидел место, обозначенное жирным чёрным крестиком.

— Спасибо, — ответил он.

Их взгляды встретились, а она мило улыбнулась ему в ответ.

— Вступай на путь с надеждой. А мне пора окунуться в сны...

Тут она начала зевать, прикрывая ладонью свой милый рот.

Он с верой в душе и надеждой в глазах поклонился в знак благодарности и развернулся к выходу.

— Стой! — окликнул его призрак.

— Что такое?

И тут по волшебству голубые бабочки прилипли к его ногам, образуя вихрь и поднимая его вверх. Тёплая обувь превратилась в лёгкие берцы, напоминавшие листву. Ветви обвили ступни и преобразовались в удобную летнюю обувь. Олвин почувствовал лёгкость и мягкость — как на той тропинке, что вела к большой каменной глыбе.

— Спасибо! — прокричал он ей вслед.

Она лишь мило улыбнулась и, паря в воздухе, отправилась на своё место. Вскоре заснула непробудным сном.

Олвин выбежал из загадочного подземелья. Взглянув на карту, он увидел, что крестик был неподалёку. Оставалось только найти его. Путь вёл через частые стволы, и идти пришлось под гром и молнии — те самые тучи, что надвигались на эти земли, где царил ужас. Стоило подумать об этом.

Но выбора не было. Ему пришлось идти. Он убрал марш-

рутный лист в карман, взялся за ляжки рюкзака и направился по дороге!

Пробираясь сквозь частые ветви, которые цеплялись за его лицо, оставляя мелкие царапины, он думал, что они похожи на кошачьи когти.

Вот они — неизвестные мне земли. Тучи сгущались, а гром гремел так близко, словно Олвина настигло стихийное бедствие. Всего один шаг отделял его от солнечного мира — и полного разрушения. И он шагнул в пучину неизвестности.

Темно, холодно и сыро, — подумал он, пробираясь сквозь глубины неведомого. Тут стена остановила его, заросшая многочисленными ветвями, преграждая путь. Ветер и дождь сковывали движение, но он достал приспособление, которое приобрёл в магазине, — набор охотника, — вытащил лопату, собрал её и стал размахивать. Сапёрная лопатка рассекала воздух, и стена начала трещать по швам, отбрасывая мелкие веточки. Они разлетались вокруг, словно град, падали и отскакивали от земли.

И вот появился проход — достаточно широкий, чтобы втиснуться. Наш герой без промедления залез в помещение по ту сторону стены. Оказался куб, а в середине — старинный ящик. Он медленно подошёл, кинул лопату и начал убирать ветви, которые слегка опутали загадочный ларец. Перед его взором появилась печать — необычная, в форме человеческой ладони. Он приложил правую ладонь, но ничего не произошло. Лишь возникла надпись:

«Открыть сундук непросто — магию применить придётся».

Олвин понимал: магия исчезла. Но какая-то её частица осталась в нём. Он боялся применять — думал, исчезнет ли его существование? Но одна жизнь — на благо миллиардов... Он моментально сделал свой выбор.

И тогда он обратился к своему «Я»:

«Я верю тебе и согласен принести жертву — твоему миру и своему».

Его руки наполнились сиянием, которое словно искрилось. Он поднёс ладонь — и тепло соединилось с металлической пластиной, в которую он вложил своё волшебство.

Ларец распахнулся. Один из белых кристаллов вознёсся перед ним. Он хотел взять его в руки, но боль скривила лицо гримасой. Олвин ухватился за живот — и окунулся в бездну своего сознания, в полное безмолвие.

ЛАБИРИНТ

Олвин погрузился в глубокий сон рядом с ящиком. В темноте яркие лучи переливающихся красок отбрасывали блики,

словно подчёркивая мучительные страдания мальчика. Маленький парень безмолвно что-то мычал, а его голова бесильно двигалась из стороны в сторону, передавая всю глубину его невыносимых переживаний.

«Нет, нет», — проговаривал он в полусне. Что-то тревожило его, не давало покоя. И тогда подсознание выдало болезненную картинку: Олвин стоял с краю и наблюдал за происходящим со стороны. «Боже!» — воскликнул он, глядя на своё бездыханное тело. «Я, я и вправду мёртв», — подумал он с ужасом. Его плоть лежала рядом с сердцем этого мира — могучим деревом, которое ослепляло своей неземной красотой. От дерева шли золотистые волны вибраций, и весь лес оживал: каждый лепесток поднимался, каждый одуванчик жадно впитывал жизнь.

Через некоторое время к Олвину подлетели маленькие существа — духи, которые только что очнулись после беззаботного сна. Они кружились вокруг него, словно пытаясь что-то сказать. «И разве такой финал меня ждёт?» — подумал Олвин, но тут изображение внезапно сменилась.

Он увидел себя сквозь призму острой боли: он дотрагивался до оголённого дерева, которое не имело и тени той силы и мощи, которую он только что видел. «Я чувствую тебя», — сказала его отражение. «Я готов», — ответил Олвин. И тогда он вспыхнул, как яркий луч, отдавая всю последнюю магию, которая таилась в его душе. Его свет становился всё слабее и слабее, как падающая звезда, которая летит по небу

и гаснет на последнем вздохе.

После принятия маленького мальчика дерево расцвело, словно пробудилось к новой жизни. А рядом лежал Олвин — совсем ещё юный, не успевший познать, что такое настоящая жизнь, любовь и счастье. Его безжизненная фигура лежала рядом с расцветавшим деревом, а духи один за другим подлетали к его телу. Казалось, он принял на себя удар судьбы и пожертвовал собой ради спасения человечества и волшебного мира.

Рисунок снова стало меняться, словно пульсирующая боль разрывала его сознание. Эта мысль заставляла его всё больше принимать очевидные вещи. И тогда он увидел, как в поле лежит его клон — плод игр разума, подумал Олвин.

Наш герой очнулся под красивыми лучами солнца. Его яркие лучи переливались в свете золотистого поля, создавая причудливые узоры. В нескольких шагах от него стояло дерево — то самое дерево, сердце магического мира, которое, казалось, рухнуло. «Не может быть», — произнес Олвин. — «Вот оно, дерево жизни, но почему оно всё ещё голое?»

Он неспешно шёл по зелёной поляне, приближаясь к дереву. Чем ближе он подходил, тем больше оно росло в масштабах. Олвину казалось, что он маленький муравей, который пришёл за кубиком сахара. Когда он подошёл совсем близко, то осмотрелся вокруг и заметил, что все ещё спят — маленькие призраки этого мира, свернувшиеся клубочком, не очнулись. «Дерево стоит, всё хорошо, но почему все не просыпа-

ются?» — сказал он. «И где листья?» — с тревогой в голосе добавил двойник. Тогда Олвин закрыл глаза и прикоснулся к дереву, чувствуя его холодную и шероховатую поверхность.

Олвин очнулся среди невероятно яркого неба, которое словно распахнуло свои объятия после мрака. Стены, выстроенные в форме защитного куба, рухнули, обнажив окружающий мир, а над головой всё так же величественно красовался белый Алмаз жизни — символ надежды и силы. Наш герой неспешно поднялся, глубоко вдыхая свежий воздух и постепенно приводя дыхание в порядок. Он осознавал свою сущность и понимал, что должен набраться смелости, чтобы возродить сердце волшебного спокойствия и восстановить гармонию в мире.

Постепенно дыхание пришло в норму, пульс стал биться ровнее, а силы и энергия медленно, но верно возвращались к мальчику. Вздохнув полной грудью и взглянув на чисто-голубое небо, по которому плавно плыли облака, Олвин подумал, что, вероятно, грозные тучи исчезли именно после того, как он освободил один из кристаллов. «Осталось найти остальные, но где?» — мелькнуло в его голове. Этот вопрос казался невероятно сложным, ведь мир был полон опасностей и загадок.

Олвин поднялся со своих маленьких, но уже окрепших ног, снял с плеч изрядно потрёпанный рюкзак и аккуратно отложил его в сторону. Затем он поднял сапёрную лопату,

тщательно разобрал её и сложил все детали в походный мешок. Его движения были спокойными и уверенными — казалось, что он уже не раз оказывался в подобных ситуациях. После этого он вновь взглянул на кристалл, который переливался и крутился в невесомости.

Медленно вращающийся кристалл словно излучал надежду и силу. Олвин обеими руками потянулся к нему и аккуратно взял в руки, словно снимал хрупкую хрустальную вазу, боясь разбить. Он чувствовал, как магия кристалла наполняет его энергией, разрушая остатки стен барьера и принося гармонию в душу. Но Олвин понимал, что это только начало пути — оставалось найти второй Кристалл души.

Закрыв глаза, он обратился к жизни с молитвой: «Прошу, если ты меня слышишь, укажи путь к твоей душе». Когда он открыл глаза, кристалл начал издавать белые пульсирующие волны, словно отвечая на его просьбу. Внезапно яркая ниточка взлетела вверх и устремилась прямо в карман Олвина. «Спасибо», — прошептал он белому хрусталу. Вскоре свет погас, и Олвин бережно убрал первый артефакт в вещмешок.

«Посмотрим», — сказал он себе и открыл свой путеводитель. Крест на карте поменял направление, указывая новый путь. Впереди Олвина ждало тёмное небо, которое извергало гром и молнии, но он был готов к испытаниям. Закрыв карту, он решительно направился через зелёную поляну, а за горизонтом виднелись силуэты, от которых веяло самыми страшными кошмарами. Но Олвин не собирался отступать

— его ждала великая миссия.

Вот оно, то самое место — черта междумирья, где магия переплетается с тёмными, потаёнными страхами. Олвин поднял свой взор к небу: где-то вдали мерцали молнии, а раскаты грома доносились до его слуха, словно предупреждая о грядущих испытаниях. Осмотревшись назад, он увидел то, что уже преодолел: пение птиц и гармонию природы. В душе Олвина зародилась надежда остаться в этом светлом мире, но выбора не было. Он сделал этот выбор ещё тогда, когда впустил Зефира в свою жизнь, и теперь отступать было поздно. Собрав всю свою смелость, Олвин шагнул в пучину темноты.

Погода была довольно прохладной, хотя дождя не было. Ветер то появлялся, то исчезал, словно играя в прятки, и его порывы напоминали вой волка. Олвин неторопливо шёл, пробираясь через огромные дебри густого, безжизненного леса. Стволы деревьев казались массивными зубочистками — ни листьев, ни веток. Время от времени он доставал карту, чтобы убедиться, что идёт в верном направлении. Карта, словно живой организм, моргала, указывая на синий крест, который служил ему ориентиром в этом мрачном мире.

Пока Олвин вглядывался в карту, его ноги внезапно почувствовали невесомость. Он полетел кубарем по склону так быстро, что не успел среагировать. Каждый камешек, каждая ветка впивались в него, вызывая боль. Это напомнило ему о школьном инциденте, когда его толкнули с лестницы,

и он покатился вниз. Тогда боль была терпимой, но сейчас она казалась невыносимой.

Олвин поднялся, отряхнулся от грязи и увидел перед собой огромный вход с трёхметровым проёмом. От входа расходились большие стены, напоминавшие лабиринт без края и конца. От изумления он убрал слегка грязную и запачканную бумагу — карту — в карман своих штанов. Нервно ходя туда-сюда, Олвин пытался понять, как поступить, что делать и как пройти этот невообразимый путь. В его голове роились мысли, но ни одна из них не казалась достаточно надёжной, чтобы преодолеть предстоящие испытания.

И тут он вспомнил, как на уроках изучали разные темы, и он запомнил одну маленькую вещь: если перед тобой лабиринт, нужно иметь клубок ниток — привязать его к входу и двигаться вперёд, разматывая его. Если заблудишься — всегда можно вернуться назад, а после того, как достигнешь цели, с помощью тех же манипуляций можно найти выход.

Он уронил рюкзак на землю и стал пристально рыться в нём, ища самое дорогое — ключ, благодаря которому он и попал сюда. В рюкзаке была ещё одна вещь, которая могла помочь в поисках Кристалла души. «Ну где же ты?» — проговаривал он, рыская в кармашках. Наконец он нашёл то, что искал, поднял и положил перед собой. Сложив ладони, он снова стал просить о помощи, отдавая частичку своей доброты. «Большая цена, — подумал он, — но я же смирился со своей судьбой, и я готов», — вновь пронеслось в его

мыслях. И тут свет в крошечной темноте озарил небольшое пространство, и он произнёс: «Хочу, чтобы из потрепанного шнурка появился полноценная пряжа большого размера». Однако радость не пришла к нашему герою — лишь маленькая скорбь оттого, что он не следует советам маленького духа. На удивление, с ним ничего не произошло; он успел уложить в карман своего снаряжения ключ и взять клубок тесьмы.

Олвин подошёл и снова взглянул на вход в тёмный лабиринт. Ему слышались какие-то отголоски — или это был лишь плод его воображения? Он привязал один край волокна к входу, несколько раз обвязав ветку и затянул узел. В левой руке он держал моток, а правой неспешно разматывал словно леску. «Так, — думал он, — сначала налево — тупик, вернёмся; прямо, направо — тупик, вернёмся; прямо...» И тут перед ним возникла стена. «Направо или налево?» — размышлял наш герой. «Так и быть, я не фатовый парень, — подумал Олвин, — поверну налево». Направо, направо — и снова тупик.

Его зрачки расширились ещё сильнее от увиденного. То, что он заметил, поразило его: в невесомости парило нечто, напоминавшее чёрную массу, субстанцию. «Олвин», — говорило оно словно эхо. Голос словно манил его, гипнотизируя сознание. Олвин дотронулся до субстанции, и комната наполнилась любовью, и запахом родного дома. «Малыш, ты будешь кушать?» — проговорила мама. «Я давно уже не ма-

лыш, — отрезал он. — Прости, прости, кушай, Олвин», — прозвучал голос. Но он не успел дотронуться до еды, как она потекла жидкой смесью, напоминавшей чернила.

«Это иллюзия, — проговорил наш герой, — и ты не моя мама», — обратился он к ней. «Как это я не твоя, дорогая мама, которая работает не покладая рук, а ты не ценишь этот труд?» — прозвучал ответ. «Враньё!» — вскочил он из-за стола и злобно уставился на неё. «Ты всегда был трудным ребёнком, — продолжала субстанция, — посмотри, как ты относился к своей любимой маме, и сколько натворил ошибок». Печаль моментально настигла маленького мальчика, он вспомнил, как ругался, перечил и даже не обнял маму, прежде чем уйти в это приключение. «Моя мама там, а я здесь — чего ты хочешь?» — ответил он нечто, что стояло перед ним, как капля воды они были схожи, но его страх играл с ним, за маму, за ошибки, за собственную сущность. «Оставайся, — прозвучало в ответ, — я всегда буду рядом. Ты и так допустил много ошибок: запустил Зефира, открыл дверь и нашёл Кристал жизни. Зачем тебе искать душу, если ты потеряешь свою? Не допускай ошибок, Олвин, мы можем быть вместе, и быть счастливы здесь, в этом мире, говорило оно».

Страхи мальчика оживали в его воображении с такой яркостью, что казались абсолютно реальными. Они преследовали его повсюду: в тёмных углах лабиринта, в шелесте листьев под ногами, в неясных звуках ночного грома. Эти стра-

хи были гораздо более пугающими, чем собственное отражение в зеркале — в них не было ничего знакомого и понятно-го, они таили в себе неведомую угрозу, от которой замирало сердце и по спине пробегал холодок.

«Нет, нет, нет!» — произносил он. «Уходи, уходи из моей головы! Он так сильно нервничал, что со злостью выкрикнул: Изыди!» И тут с его груди появились белые лучи, словно они разрывали плоть. Свет озарил пространство, и чёрная тень образовавшая перед ним стала кружить, и тут же испарилась взмыв в воздух. Олвин пришёл в себя, словно после гипноза, он стоял и слушал, а эхо отражало страшный визг лабиринта словно он прогнал банши.

Фух, выдохнул Олвин, — я цел! Слава богу! Надо вернуться, надо идти в начало и не столкнуться с ещё одним ужасом. Его сердце билось часто-часто, а в голове крутились мысли о том, какие ещё испытания могут встретиться на пути. Как только он вышел на тропу, где стояла непреодолимая стена, то на мгновение замер, пытаясь собраться с духом. Затем повернул направо, налево, направо, направо — каждый шаг давался с трудом, будто сама земля сопротивлялась его движению. И вот перед ним стоял ларец синего цвета — его оттенки переливались в этом мрачном, мистическом и загадочном месте, создавая иллюзию живого существа. Сундук словно манил к себе, но в то же время вселял страх.

Не успел Олвин подойти ближе, как на него нахлынул порыв невидимого ветра, который не подпускал его к ящику

души. Ветер свистел в ушах, трепал волосы и одежду, пытался сбить с ног. Олвин вцепился ногами в землю, словно кот, который лезет по крыше. Шаг за шагом он преодолевал сильный вихрь, вытянув правую руку вперёд, будто пытаясь ухватиться за что-то невидимое. Из левой руки внезапно выскочил клубок и затерялся в темноте, но Олвин не останавливался — он знал, что отступить нельзя. Каждый шаг давался с огромным трудом, но он продолжал двигаться вперёд.

Осталось всего пару шагов до заветного кристалла, и Олвин собрал все свои силы. «Бери!» — крикнул он сквозь ураган, и в этот момент его рука засияла ярким светом, и лучи устремились к медной пластине образовывая силуэт его крошечной ладони. Поток воздуха постепенно стих, словно признавая его победу. Измождённый, Олвин повалился на землю и почти сразу уснул в наступившем затишье, погружившись в глубокий, восстанавливающий сон.

ЖЕРТВА

Олвин крепко спал, и сон его был настолько глубоким, что даже яркие лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, не

могли сразу разбудить его. Когда он наконец открыл глаза, то на мгновение замер, ослеплённый светом. Постепенно его зрение адаптировалось, и он увидел вокруг себя всё тот же лабиринт, но теперь, при дневном свете, он выглядел совершенно иначе. Мрачные тени исчезли, и вместо них повсюду расцвели ярко-зелёные листья, которые переливались всеми оттенками изумруда и отдавали утренней росой. Олвину это напомнило его дом — те моменты, когда он выходил на улицу ранним утром и видел, как трава покрыта крошечными капельками не застывшей влаги, сверкающими в лучах восходящего солнца.

Первая мысль, которая промелькнула в его голове, была о клубке. Он начал внимательно осматривать лабиринт, и удача улыбнулась ему — часть пряжи действительно зацепилась за один из проходов. «Везение!» — подумал маленький мальчик, но тут его взгляд упал на синий кристалл души. Тот парил в невесомости, словно подхваченный невидимым вихрем, и излучал таинственное сияние.

Олвин осторожно протянул руку и взял кристаллик. В этот момент он почувствовал, насколько хрупка душа, и про себя повторил: «С ней нужно быть бережным». Он прошептал: «Прошу тебя, душа, покажи, где твоё сердце. Я принесу тебе покой, и ты снова полюбишь этот мир в его прежнем виде». Сердце волшебного мира жаждало жизни и любви, но душа ощущала нехватку чего-то важного. Вибрации, похожие на лёгкую щекотку, пробежали по рукам Олвина, когда

синяя ниточка устремилась в его карман.

Он чувствовал связь с монокристаллом, словно они были родственными душами. Маленькие рубцы на поверхности по всему хрусталу напоминали шрамы — казалось, душа принимала на себя удары, чтобы уберечь сердце и жизнь. Раны кровоточили, но затянулись, оставив после себя следы. Олвин смотрел на него, не в силах отвести взгляд. В душе таилось столько загадок! Сколько она пережила за годы, а может, и века? Олви не знал ответа, но понимал, что с душой нужно обращаться с особой осторожностью, чтобы не причинить ей вреда.

Мальчик подумал о стеклянном стакане — красивом, но хрупком сосуде. Если фужер упадёт, он разлетится на осколки, а даже после склеивания на нём останутся невидимые царапины. «Я тебя понимаю», — сказал он кристаллу, словно пережив что-то похожее. Он ощущал глубокую связь с душой и был готов заботиться о ней.

«Я уберегу тебя», — проговорил Олви в тишине. Он открыл свой рюкзак, достал зимнюю куртку и бережно обернул ею второй предмет магического мира, чтобы защитить его от любых повреждений. Душа была настолько хрупкой в это непростое время, что требовала особой заботы. Затем Олвин аккуратно положил кристалл души и жизни на дно походного мешка, добавил туда некоторые вещи и охотничьи инструменты, тщательно расположив их так, чтобы ничего не навредило хрупкому камешку.

Застегнув молнию на рюкзаке и тщательно проверив, что все его вещи надёжно упакованы и ничего не выпадет в пути, он с волнением открыл карту. На ней был чётко виден жирный красный крест, указывающий путь к последнему Сердцу Камня — цели его долгого и опасного путешествия. Он внимательно изучил карту, сопоставил её с окружающим ландшафтом и определил, где именно находится относительно намеченного маршрута. Но после последнего изнурительного испытания Олвин не мог избавиться от тревожного чувства: что же ждёт его впереди? Однако судьба на этот раз была к нему благосклонна — внезапный порыв сильного ветра, который мог бы сбить с пути или испортить снаряжение, миновал его.

Он отчётливо вспомнил ту бурю, которая настигла его недавно: ветер был такой силы, что локоны его волос развевались, словно змеи, а идти было настолько тяжело, будто на спине он нёс пятидесятикилограммовый мешок. Мысли в его голове метались, как птицы в клетке — то разлетались в разные стороны, то снова собирались вместе. «Вдох, выдох, вдох, выдох», — повторял он про себя, пытаясь собрать воедино разрозненные фрагменты головоломки, которая представляла собой его путешествие и его внутренние сомнения. Постепенно ритм восстановился, мрачные мысли рассеялись, и уголки его губ тронула лёгкая улыбка — он снова ощутил радость от солнечного света, пробивающегося сквозь ветви деревьев.

Собравшись с духом, Олвин поднялся, закинул рюкзак на плечо и решительно направился к выходу из очередного квеста. В руке он держал клубок ниток, который служил ему своеобразным компасом — собирая его, он следовал за нитью, которая, казалось, знала путь к цели лучше, чем он сам. С каждым шагом он всё больше ощущал себя частью этого невероятного приключения, которое, несмотря на все трудности, наполняло его сердце трепетом и надеждой в лучший исход.

Дорога была изнурительной и скучной. Лишь пение птиц, которые были мальчику хорошо знакомы, и кваканье лягушек напоминали ему о родном доме. Время от времени он вслушивался в эти звуки, и на мгновение ему казалось, что он снова находится в знакомом и уютном месте. Проходя рядом с речкой, которая спокойно текла в своём направлении, он заметил плоский камень. Мальчик с силой швырнул его, с интересом наблюдая, как камень летит, а затем ударяется о воду, образуя круги. Эти круги медленно расходились, но с каждым новым витком становились всё меньше и меньше, пока окончательно не исчезли.

Каждый раз, когда он слышал грохот грома и видел сверкающие на солнце волны, для него стало традицией оборачиваться и смотреть на пройденный путь. Он понимал, что перешагнул черту и оказался в тёмном и мрачном месте. Холодный ветер и наступающие сумерки будоражили его тело, и по коже пробегали мурашки. Мальчик чувствовал, как ма-

ленькие крапинки мурашек распространяются по всему телу, и это только усиливало его беспокойство.

В какой-то степени он волновался, но сомнения относительно грядущего испытания не давали ему покоя. Он думал о том, что ждёт его впереди, и сердце начинало биться быстрее. В этот раз он остановился, опустил рюкзак и достал фонарик, который приобрёл в магазине перед отправлением в путь. Включив фонарик, он осветил себе путь, чтобы в очередной раз не споткнуться и не наставить новых синяков. Яркий луч света пробивался сквозь густые заросли таинственного леса, освещая неизвестную ему местность. Мальчик шёл вперёд, стараясь не терять бдительности.

Достав карту из-за пазухи, он осветил её фонариком. Его глаза внимательно изучали каждый сантиметр карты, и чем ближе он продвигался к цели, тем больше увеличивался крест, обозначающий нужное место. Мальчик понимал, что путь будет непростым, но он был готов к испытаниям, которые его ждут.

Взор Олвина упёрся в каменную стену, напоминавшую небольшой старинный замок. Она была выложена из многочисленных квадратных камней, которые, казалось, были тщательно подобраны и идеально подогнаны друг к другу. Стена возвышалась над ним, словно неприступная крепость, и создавала ощущение, что за ней скрывается что-то невероятно важное и таинственное. Деревянная дверь была просто огромной — её тёмные, почти чёрные доски, покрытые ед-

ва заметными трещинами и следами времени, внушали уважение и даже немного страх. В середине двери находился необычный круг с золотистыми узорами и древними письменами, которые словно светились в полумраке. Внутри круга было отверстие, похожее на ключевой проём, и Олвин с недоумением подумал: «Ключ! Но где я его возьму от этой двери?» Он опешил, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее от волнения и неопределённости.

И тут на него нахлынули воспоминания. Он вспомнил, как зеркальце говорило о созданном ключе, который способен открыть любую дверь. Этот ключ был не просто обычным инструментом, а чем-то гораздо более значимым и волшебным. Олвин почувствовал, как внутри него просыпается надежда, и решил попробовать. Он раскрыл кармашек рюкзака, лишь повернув его боком, и достал тот самый заветный ключ. Ключ был небольшим, но в его форме и узоре чувствовалась сила и магия. Олвин поднял глаза вверх, к небу, и мысленно помолился: «Господи, прошу, пусть всё сработает». Его руки слегка дрожали, когда он вставлял волшебный предмет в ключевой паз и поворачивал его. В этот момент он ощущал, как весь мир вокруг замирает, и только его дыхание и биение сердца наполняют пространство.

Звук отпирания двери резко вырвал Олвина из размышлений и напомнил ему любимый фильм про грабителей. В тех сценах, которые он так любил пересматривать, ловкие воры взламывали сейфы: шестерёнки загадочно вращались,

щёлкали, и вот — глухой звук, ворота с скрипом открывались, поднимая в воздух густые столбы пыли. Олвин машинально закрыл лицо рукой, чтобы защититься от взлетевших частиц, и, задержав дыхание, переступил порог таинственной крепости.

«Тишина... Слишком тихо», — подумал он, но темнота вокруг не давала ему сосредоточиться, словно поглощала все мысли. Вспомнив свой проделанный опыт, где каждый шорох мог означать опасность, Олвин зажёл фонарь. Жёлтый луч рассекал мрак, но вокруг была лишь пустота. «Где сундук? Где то, что я ищу?» — лихорадочно пронеслось в его голове. И тут ворота захлопнулись с оглушительным грохотом, и Олвин почувствовал, как страх перед неизведанным сковывает его сердце.

Фонарь в его руке подрагивал, освещая пустое помещение. «Неужели я попал в ловушку?» — с отчаянием подумал Олвин. Он повторял про себя: «Ищи, ищи, здесь должно быть что-то!» Маленький мальчик оказался заперт в четырёх стенах, где не было ни выхода, ни намёка на то, что могло бы помочь ему выбраться.

Олвин начал тщательно осматривать стены замка, не пропуская ни одного уголка, ни одного сантиметра помещения. Каждый шаг давался ему с трудом — хотя у него не было клаустрофобии, он остро чувствовал, как стены словно давят на него, угрожая сомкнуться. «Внимательно проверяй, не упусти ничего», — твердил он себе. И вот, наконец, на

правой стене он заметил странный иероглиф, напоминающий око. «Глаз? Что он здесь делает?» — удивился Олвин. Он попытался нажать на иероглиф, но ничего не произошло. «Что же с ним делать? Как разгадать эту загадку?» — в отчаянии думал он, чувствуя, как напряжение нарастает с каждой секундой.

Он присел на холодный каменный пол, ощущая шершавую поверхность под собой, и погрузился в мысли. «Глаз, глаз, глаз... Но у обычного человека их два. Если это всеведущее око, то можно отразить его, придав второй», — размышлял он. Собравшись с духом, он сказал: «Попробуем», — и тут же открыл свой потрёпанный вещмешок. Внутри лежало мамино зеркало — оно было изрядно изношено годами, но на его поверхности всё ещё виднелась красивая гравировка в виде деревца. Он бережно достал зеркало и прошептал: «Ты меня слышишь?» В ответ — лишь тишина. Тогда он поднёс зеркальце к стене и прислонил его, словно пытаясь создать отражение второго глаза. И тут, словно по волшебству, из «глаза» появились красные лучи, напоминавшие указку.

Камни в помещении зашевелились, затрепетали, и из-под земли медленно возвысился столб, на вершине которого покоился красный сундук. «Сердце!» — подумал Олвин и, охваченный волнением, кинулся к сундуку. Собравшись с мыслями и ощутив удовлетворение от того, что он наконец отыскал последний артефакт, он посмотрел на око. Оно всё

так же излучало лазерные лучи, словно указывая на что-то важное. Олвин аккуратно положил зеркальце в карман.

Но почему же сундук не открывается? Олвин с недоумением дотронулся до крышки — его руки словно провалились, ощущая лишь площадку, которая внезапно появилась перед ним. Это оказалась всего лишь проекция. Он был озадачен и растерян.

Вдруг тишину нарушил скрип, напоминающий звук открывающихся ворот. Олвин прислушался — его сердце билось всё сильнее, словно готово было выпрыгнуть из груди. Он обернулся, но ничего не увидел. В этот момент послышались шаги — они словно тащили за собой ноги, создавая злобный звук. И тут он увидел тёмный силуэт, который медленно приближался.

— Уходи! — прокричал Олвин. — Я не останусь с тобой!

— О чём ты, мальчик? — проговорило эхо в закрытом помещении.

— А кто вы? — спросил Олвин, чувствуя, как страх сковывает его сердце.

— Я — Хранитель этого ларца. Чтобы завоевать сердце этого мира, нужно принести жертву: око за око, зуб за зуб, сердце за сердце, — произнёс силуэт, перемещаясь ближе к мальчику и указывая на его грудь, туда, где под плотью с невероятной мощью билось его сердце.

— Вам нужно моё сердце? — с ужасом спросил Олви.

— Нет, глупыш, мне нужна лишь частичка. Взамен на ар-

тефакт. Но что я могу вам предложить? — загадочно произнёс наш герой, кружась вокруг мальчика, силуэт произнес.

— Загляни в свой разум, — продолжал он, указывая на висок мальчика.

— Я не понимаю, — растерянно произнёс он.

— Воспоминания — это энергия. Будь то добрая или плохая, но большой заряд дают лишь добрые воспоминания, понимаешь, о чём я? — произнёс силуэт.

— Кажется, да, — неуверенно ответил Олвин.

— Вот, обратись к своему подсознанию, — сказал силуэт и провёл рукой, словно открывая телевизор. И тут перед Олвином начали мелькать его воспоминания — начиная с детства, они проносились перед глазами, как быстрый кадр при перемотке назад или вперёд.

— Сконцентрируйся, — говорил силуэт, и его голос эхом отражался от стен.

Наш герой вспомнил плохое воспоминание — как он ругался с мамой, как обижался на неё. Но вдруг он улыбнулся — в его памяти всплыло другое событие. Как-то в школе он выиграл соревнования по шашкам, и призом стала удочка. Тогда он занял второе место, а мама в тот день очень сильно болела и лежала в больнице. Когда она вернулась домой, он показал ей удочку, и она была так счастлива за него! А он был счастлив оттого, что ей стало лучше. Из глаз Олви показались слеза — это были слёзы счастья, которые заставляли сердце биться ещё сильнее, от лучших воспоминаний.

— Вот, именно это было бы кстати, — проговорило эхо.

— Но... но я не могу... — прошептал он.

— Решать тебе: либо сердце мира, либо твоё крошечное воспоминание, — произнёс силуэт, и в воздухе повисла тяжёлая пауза.

Силуэт парил в замкнутом пространстве, словно бесплотный дух, и с нетерпением ожидал ответа Олвина. Тот же, охваченный волнением, нервно вышагивал от одной стены к другой, бормоча что-то неразборчивое себе под нос, и его взгляд метался по комнате, будто искал выход из сложившейся ситуации. В воздухе витало напряжение, и каждый шаг мальчика отзывался эхом в изолированном пространстве.

— А последствий не будет? — наконец, решился задать вопрос он загадочной тени, в голосе которого слышались нотки сомнения и страха. Тень, словно уловив его неуверенность, медленно приблизилась и спросила: «Ты мне не веришь?» И тут мальчик опустил голову, его плечи поникли — он остро ощущал, как сильно ему нужен последний магический предмет, чтобы завершить начатое. После нескольких мгновений внутренней борьбы Олви твёрдо произнёс: «Хорошо, я согласен». И тут же загадочная тень прикоснулась к его весочной доле, и в тот же миг из неё, словно красная искра, вытянулась тонкая нить, которая мгновенно поглотилась силуэтом.

Наш мальчик почувствовал, как внутри него что-то над-

ломилось — воспоминание испарилось, оставив после себя лишь зияющую пустоту. Он остро ощущал, что чего-то не хватает, но твёрдая цель — заполучить сердце — не давала ему отступить. Силуэт, уловив его решимость, взмахнул рукой, и в тот же миг в воздухе возникла красная сияющая волна. Она кружилась вокруг проекции, что издавал глаз око, и медленно приняла те же очертания, что и силуэт, и теперь Олвин мог до неё дотронуться. Магия витала в воздухе, и каждый миг казался частью невероятного приключения, от которого невозможно было оторваться.

РИТУАЛ

Постой! — проговорил хранитель, поднимая руку в останавливающем жесте. — Прежде чем ты возьмёшь сердце в

руки, я хочу рассказать тебе об особенностях каждого из кристаллов, что ты собрал за свой нелёгкий путь! Его голос звучал строго, но в то же время в нём чувствовалась забота и волнение.

Руки Олвина застыли в воздухе прежде, чем он открыл сундук с сокровищами этого мира. Сундук был древним, покрытым причудливыми узорами и таинственными символами, которые, казалось, пульсировали в такт биению его сердца. «Ты отдал своё воспоминание, — эхом разнеслось по тёмным стенам каменного помещения, — и прежде чем я исчезну, хочу, чтобы ты услышал меня. Второго шанса не будет!» Эти слова повисли в воздухе, наполняя пространство тяжёлым предчувствием.

Маленький мальчик был в полном замешательстве. Его глаза широко раскрылись, а в душе зародились сомнения и страх перед неизвестным. Он повернулся к стражу и с недоумением в голосе спросил: «Какого воспоминания? Я не понимаю!» Но хранитель лишь махнул рукой, словно отбрасывая прочь его вопросы, и продолжил: «Ммм, неважно. Внемли каждому моему слову, Олвин!» И тут защитник, чья фигура казалась едва уловимой в полумраке, продолжил: «Чтобы возродить магию в этом мире, нужно провести особый обряд Йохан с каждым из кристаллов, которые ты собрал! Я — бережник красного сферокристалла. У магических существ нет личностей или воспоминаний, они вечны, поэтому живут, охраняя покой и гармонию. Им нечего предложить

взамен. Осознаёшь, о чём я говорю?»

Олвин нахмурился, пытаясь осмыслить слова защитника. «Нет, не совсем», — отрезал он, чувствуя, как в душе нарастает тревога. «Ну что ж, продолжим, — невозмутимо ответил зритель. — Каждый из этих предметов имеет свою особенность. Я так понимаю, ты собрал все, прежде чем явиться за последним?» Мальчик кивнул, и его глаза сверкнули решимостью. Он знал, что от него зависит судьба этого мира, и был готов идти до конца.

«Замечательно!» — отозвался отголосок, многократно усиливая каждое слово. Покровитель на мгновение замер перед Олви, словно взвешивая все «за» и «против». «Первый Кристалл — это душа. Она всегда зарождается первородной, чистой и непорочной. Следом идёт сердце — источник силы и энергии. А затем — жизнь, которая связывает всё воедино. Улавливаешь цепочку?» Олвин на мгновение задумался, а затем медленно произнёс: «Кажется, теперь понимаю...»

«Отлично! А теперь можешь открыть ларец!» — с этими словами страж отступил на шаг, давая Олвину возможность сделать следующий шаг. Мальчик медленно, почти благоговейно, приоткрыл крышку сундука. Его лицо озарило красно-яркий свет, который переливался, словно языки пламени. Краски кристалла были настолько насыщенными и живыми, что казалось, будто он смотрит прямо в сердце огня. Олвин осторожно потянулся к кристаллу, а затем поднял его перед собой, не в силах оторвать взгляд от этого великолепия.

«А теперь мне пора», — сказал ему куратор и направился в сторону тьмы, откуда когда-то вышел. Но теперь его шаги не были похожи на звериные — напротив, слышался тихий, почти беззвучный топот, словно сама тьма поглощала его с каждым шагом.

«Стой! Стой, погоди!» — выкрикнул ему вслед Олвин, чувствуя, как в душе нарастает отчаяние. «А когда мне провести ритуал?!» Но в ответ он слышал лишь едва уловимый отзвук: «В ночь, когда полная луна осветит магический мир, и звёзды засияют в ослепительном цвете белых огней. Полнолуние... помни...» Эти слова звучанием отразились от стен каменного здания, а затем всё стихло. Наступила мёртвая тишина, нарушаемая лишь биением сердца Олвина и едва уловимым шорохом пыли, оседающей на пол.

Олви всё так же держал в своих руках красный кристалл, внимательно вслушиваясь в темноту, которая окутывала его со всех сторон. Его пульс бился чуть быстрее обычного — он чувствовал, что приближается к важной вехе своего путешествия. Достав рюкзак, он тщательно застегнул его, проверил все застёжки и лямки, а затем закинул на плечи. С каждым шагом к выходу он ощущал нарастающее напряжение. Когда он переступил черту, солнце внезапно воссияло над ним — золотистые лучи, словно тёплые руки, согревали его, но он всё ещё не мог понять, был ли это день или вечер. Время словно потеряло для него смысл, и он не знал, сколько ещё осталось до наступления сумерек, необходимых для прове-

дения ритуала.

Мысли Олви блуждали между образом густой поляны, где ничто не могло бы отвлечь его от магических занятий, и размышлениями о цене, которую придётся заплатить за проведение церемонии. Он чувствовал, как часть его души словно растворилась в этом долгом и непростом пути, оставив в его сердце пустоту. Но в то же время он вспоминал слова, которые часто слышал от других: «Цель оправдывает средства». Эти слова немного утешали его, но не могли полностью заглушить внутренний голос, который шептал о возможных последствиях.

Наш герой стал внимательно осматривать окрестности, ища подходящее место — зелёную местность, которая могла бы стать его укрытием на этот день. Ему нужно было переждать светлое время суток, дожждаться звёздного неба и полной фазы луны, чтобы начать обряд. И вот, когда он уже начал терять надежду, на горизонте возник небольшой бугор, а за ним — аккуратная, словно специально подготовленная для него маленькая полянка. Она выглядела так, будто кто-то специально подстриг траву, чтобы создать для Олви идеальные условия. Он двинулся в ту сторону, чувствуя, как вес рюкзака становится ощутимее — ведь после того, как он собрал три артефакта из этого мира, его ноша стала значительно тяжелее. Каждый артефакт не только прибавлял веса рюкзаку, но и словно наполнял Олвина особой энергией, смешанной с тревогой и предвкушением.

Маленький мальчик вышел на лужайку, окружённую деревьями самых разных пород — могучими дубами, стройными берёзами и пышными клёнами этого таинственного леса. Лужайка, гладкая, как лёд, раскинулась перед ним, открывая просторы гармоничного мира, полного приключений. В воздухе витало ощущение волшебства, а облака, словно сказочные существа, парили в небе, завораживая своей красотой. Олви уселся на траву и не мог оторвать взгляда от этого великолепия. Он чувствовал себя частью этого магического мира и на мгновение забыл обо всех заботах.

Вскоре усталость взяла верх, и мальчик погрузился в глубокий сон. Вероятно, изнурительные испытания, через которые он прошёл, лишили его сил, и он уже давно не высыпался как следует. Олви свернулся клубочком, словно маленький дух, и задремал. Он не видел призраков, но чувствовал их присутствие — они словно находились вокруг него, сопя мелодичным звоном .

Во сне Олви окутали прекрасные видения. Вдруг он услышал зов из своего мира: «Олви, мальчик мой, где же ты?» Это был голос дорогого ему человека, полный тревоги и любви. «Мама, я тут, со мной всё в порядке!» — мысленно ответил он. Мальчик почувствовал запах родного дома — аромат свежей выпечки и цветущих садов, который мгновенно перенёс его обратно. Переживания матери, её любовь и забота звучали в его сне, напоминая, что о нём не забыли. «Малыш, где же ты?» — голос мамы становился всё более тревожным,

словно она искала его уже много дней. «Мама, я тут, со мной всё в порядке!» — кричал Олви, но голос терялся в лабиринтах его сознания. И тут он проснулся, окунувшись в реальность, которая казалась не менее волшебной, чем его сон.

Темно, подумал он, глядя в окружающий пейзаж. Сумерки медленно сгущались, и небо постепенно теряло свои дневные краски, а значит, скоро на небе воцарится полная луна. «Не забыть порядок», — проговаривал про себя Олвин, стараясь сосредоточиться. Воздух становился всё более прохладным, и Олвин решил развести костёр, чтобы согреться и чувствовать себя в безопасности.

Он поставил рюкзак на пышную, слегка влажную землю и начал вытаскивать из него оборудование и комплект охотничьих принадлежностей. Его руки ловко перебирали вещи, и вскоре он собрал предмет — лопатку с зазубринами, напоминающими форму пилорылых скатов. С этим инструментом в руках Олвин направился к одному из деревьев и начал распиливать ветви, аккуратно отделяя их от ствола. Он тщательно выбирал ветви, чтобы собрать достаточно лучины для розжига костра.

После того как собранные материалы были красиво уложены в форме пирамиды, Олвин понял, что осталось сделать совсем немного: оторвать кору берёзы и разжечь костёр. Он достал огниво из потайного кармана своего оборудования и начал чиркать по нему. Искры сыпались на берёзовую кору, и хотя казалось, что здесь нужна магия, на самом деле

требовалось лишь умение правильно использовать принадлежности. После нескольких усердных попыток у нашего героя получилось разжечь первую дымку, которая устремилась ввысь. Олвин начал раздувать её, и вскоре пламя вспыхнуло, охватив пространство поляны. Огонь излучал тёплые силуэты, которые напоминали ему печь родного дома, и на мгновение Олвин почувствовал себя как дома, когда он сидел за столом и слушал рассказы матери.

Но тут, отвернувшись на мгновение, Олвин заметил сверкающий силуэт — это было мамино зеркальце, которое выглядывало из его походного ранца. В душе зародилась надежда. Огонь костра бросал на зеркальце красно-жёлтые блики, и оно словно оживало в этом мерцающем свете. Олвин бережно взял зеркальце в руки — и перед его глазами промелькнули воспоминания о матери. «Я слышал тебя, мама, со мной всё хорошо», — мысленно произнёс он и прижал зеркальце к груди. Но вдруг он услышал тихий шёпот — зеркальце заговорило с ним. Олвин осторожно открыл его, стараясь, чтобы никто не заметил и не услышал их разговора.

«Олви, слушай меня внимательно», — говорило карманное зеркальце. — «Чтобы провести ритуал, тебе нужен огонь и три символа, похожие на треугольник. Времени мало, запоминай и рисуй». Олвин вгляделся в таинственное отражение и увидел три символа, напоминавшие египетские иероглифы: душа, сердце и жизнь. Они мерцали в глубине зеркальца, словно пытаясь проникнуть в его сознание.

Олвин схватил одну из ветвей, тлеющих в костре, и начал вырисовывать символы на земле. На востоке он изобразил кристалл жизни, на западе — душу, а на севере — сердце. Как только он закончил, огонь мгновенно преобразил символы в огненное пламя, которое взметнулось вверх, озаряя всё вокруг. «Зеркальце, что дальше?» — спросил Олвин. «Расложи в таком же порядке свои артефакты и жди, — прозвучал ответ. — Жди, когда звёзды засияют и образуется полнолуние».

Маленький мальчик поспешил убрать зеркальце в карман и достал кристаллы. Особое внимание он уделил камню души — аккуратно развернул его и положил на предназначенное место. Время словно остановилось, и Олвин замер в ожидании, и тут по поляне пронёсся шёпот зеркала — словно ветер принёс с собой едва уловимое волнение. Оно тихо произнесло: «Скажи заклинание: *dona nobis pacem*». Эти латинские слова, будто доносились с его кармана, затем повисли в воздухе. Олви, стоя в центре круга, на мгновение замер, а затем произнёс на русском: «Даруй нам мир». Его голос, спокойный и уверенный, прозвучал в тишине, наполняя надеждой.

Через некоторое время звёзды засияли разными оттенками, словно северное сияние, а облака, которые до этого закрывали луну, вдруг разошлись. Мрачный силуэт луны осветил место обряда, и в следующее мгновение яркий луч взметнулся в небо. Он был настолько красивым и величе-

ственным, что Олвин не мог оторвать от него глаз. Этот свет, словно мост между мирами, соединял землю и небо, наполняя яркими красками темное время суток.

ОТРАЖЕНИЕ

Яркие лучи озарили мир — казалось, сама ткань реальности содрогнулась от их мощи. По небу прокатились вол-

ны сияния, впитывая энергию кристаллов и преображаясь на лету. В одно мгновение ночь отступила перед днём, и стало очевидно: теперь в этом магическом мире два солнца. Одно — из привычной реальности, другое — из волшебного, неизведанного края. Их объединённый свет, дробясь на мириады мелких лучей, разливался по земле, наполняя её энергией и жадной жизни.

Олвин стоял, замороженный этим зрелищем. Он с восторгом чувствовал, как золотистое тепло двух парящих светил касается его лица, проникая в каждую клеточку тела и пробуждая дремавшие силы. Мир вокруг оживал: земля, ещё недавно скованная сумраком, расцветала красками, а воздух звенел от едва уловимого гула пробуждающейся природы. Вдали Олвин заметил дерево — оно изменилось, но по-прежнему не зацветало, словно удерживая в себе некую мрачную тайну.

В этот момент к нему подлетел один из призраков.

— Привет, незванный гость! — обратился мальчик к духу.
— Что здесь происходит?

Дух ответил неторопливо и весомо. Он рассказал, что проснулись далеко не все: лишь те, кто не был погружён в затяжной кошмар. Те, чьи души блуждали в мире людей, начали возвращаться, но остальные всё ещё пребывали в глубоком забытии. Их разум слишком долго находился в плену у Грибара — таинственной и тёмной силы.

Призрачный гость облетел каждый уголок этого края, изу-

чая перемены, и в конце концов вернулся к мальчику. Волшебство, пробудившее духа, лишь частично восстановило его силы. На другом конце мира, где возвышалось Древнее Древо, магия всё ещё ощущалась, однако её не хватало, чтобы жизнь раскрылась во всём своём великолепии. Древо по-прежнему хранило в себе остатки тени, и они были слишком глубокими, чтобы исчезнуть просто так. Большинство призраков, обитавших в этих лесах, всё ещё видели грёзы — те же видения, что мучили их последние дни. Эти сны были пуповиной, связывавшей их с прошлым — временем, когда магия была чистой, а мир жил в гармонии.

— Что мне делать дальше? — спросил Олвин у невесомого духа с забавными усиками на голове.

Мальчик понимал: развязка близка. Скоро его ждёт финал — он исчезнет, не оставив следа ни в одном из миров. Мысль об этом терзала сердце, но одновременно приносила странный покой. Это казалось неизбежным.

— Посмотри! — вдруг воскликнул дух, когда-то явившийся ему в облике животного.

Олвин огляделся. Высокие деревья, до этого стоявшие увядшими и безжизненными, на глазах наливались соком и обретали былую стать. Трава выпрямилась, словно взбодрившись после долгого сна, а цветы тянулись к золотистому теплу, жадно впитывая его, будто живительную влагу.

— Ты сделал это! Ты вернул магию! — с восхищением произнёс дух.

Но Олвин лишь грустно улыбнулся.

— Не всю, — ответил он с печалью. — Впереди ещё много работы.

Он указал на мощный ствол Древнего Древа, где таилась разгадка всех тайн. В его взгляде читалась решимость идти до конца, несмотря на осознание того, какой горькой будет эта победа.

— Хочешь, я пойду с тобой? — настаивал милый дух.

— Не стоит, оставайся здесь. Найди тех, кто проснулся, и помоги им.

Усики призрака завибрировали, выражая понимание. Вскоре его силуэт растворился среди зарослей, оставив после себя лишь лёгкое мерцание.

Герой ещё некоторое время стоял, глядя на тлеющие угли — остатки костра в центре треугольника с тремя символами. Пламя угасло, но угли всё ещё отдавали тепло, словно пытаясь согреть его на прощание. Олвин глубоко вздохнул, собрался с мыслями, поправил рюкзак и решительно шагнул в гущу пышного леса. Деревья здесь были могучими, их кроны смыкались высоко над головой, образуя плотный зелёный свод. Лучи двух солнц едва пробивались сквозь листву, рисуя на земле причудливые узоры из света и тени.

Герой пробирался осторожно, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться о выпирающие корни и не угодить в скрытые в высокой траве кочки. Он держал путь к ожив-

шему дереву — месту, о котором знал слишком много. Месту, где его путь должен был завершиться.

Олвин брел по извилистой тропинке, уводившей его всё дальше в неизведанную глушь. Вокруг царила гулкая тишина, лишь изредка нарушаемая трепетом листвы и далёким пением птиц. Ели, плотной стеной стоявшие по бокам тропы, источали густой, знакомый аромат смолы. Этот запах мгновенно пробудил в душе мальчика щемящую ностальгию. Он остановился и глубоко вдохнул, внезапно почувствовав, что здесь, среди вековых деревьев, он наконец-то дома.

Закрыв глаза, он явственно представил себе канун Нового года. В доме витала атмосфера чуда, пахло мандаринами и той самой свежесрезанной ёлкой, которую мама купила на рынке за бесценок. В памяти всплыли драгоценные мгновения: как они вместе развешивали стеклянные шары, путали блестящие гирлянды и мишуру. Как вырезали из бумаги хрупкие снежинки, украшая ими окна. А венцом всего была ярко-красная звезда на самой макушке — она сияла, превращая обычный вечер в сказку. Эти воспоминания на миг разогнали туман грусти, окутавший Олвина перед неизбежным финалом.

Очнувшись от грёз, мальчик двинулся дальше сквозь заросли. Впереди слышалось журчание: река, причудливо извиваясь, петляла среди камней.

— Нужно умыться, — прошептал он.

Опустившись на колени у самого берега, Олвин зачерпнул ладонями ледяную воду. Прохлада подействовала отрезвляюще, возвращая его к суровой реальности. Когда рябь на поверхности утихла, воцарилась странная, почти звенящая тишина. Мальчик уже хотел подняться, но замер. В тот миг, когда его пальцы вновь коснулись зеркальной глади, он заметил нечто пугающее: его отражение не просто повторяло движения — оно жило своей жизнью. Отражение улыбалось.

— Привет, мой друг, — неожиданно произнёс двойник, и его голос глухим эхом разнёсся над водой.

«Я снова сплю», — мелькнула паническая мысль. Олвин растерянно огляделся, надеясь проснуться, но отражение, словно читая его страхи, ответило:

— Нет, Олвин, это не сон. Я искренне благодарен тебе за возвращение магии. Но помни: возродив свет, ты пробудил и древние тени, что теперь жаждут поглотить всё живое.

Олвин не верил своим ушам. Сжав кулаки, он закричал в пустоту:

— Замолчи, несчастный Грибар! Ты только и можешь, что отравлять моё сознание!

Он в отчаянии обхватил голову руками, пытаясь изгнать голос демона, поселившегося в мыслях. Но зеркальный двойник не унимался:

— О, милый мальчик, я ведь предлагал тебе выбор... Но ты отказался. Знай, я никогда, слышишь — никогда не оставлю тебя!

Не в силах больше терпеть это издевательство, Олвин наотмашь ударил по воде, желая разбить ненавистный образ. В то же мгновение его руку пронзила неистовая боль, будто кости дробились при падении с огромной высоты. Жжение мгновенно распространилось по телу, пульсируя в каждом нерве. Когда боль достигла пика, силуэт в воде исчез, рассыпавшись на тысячи брызг после тяжёлого всплеска. Олвин остался один — наедине со своими страхами.

Кровь кипела, а внутри, точно в раскалённом горниле, нарастала ярость. Измученный и опустошённый, герой не выдержал и зарыдал. Слезы ручьями катились по щекам, смывая пыль дорог и невыносимую усталость. Он сидел на берегу, и мягкое журчание реки теперь казалось попыткой природы утешить его, забрать хотя бы часть этой боли.

Сделав глубокий вдох и медленный, дрожащий выдох, Олвин поднял глаза к небу. Оно было бескрайним, чистым и безмятежно-голубым. На несколько мгновений это величие успокоило его разум, словно само мироздание обещало, что даже после самой тёмной ночи наступит рассвет.

И тогда он заговорил, обращаясь к небесам, будто взывая к самим высшим силам.

— Этого ли ты желал? — вопрошал он, и в его голосе дрожала нескрываемая горечь. — Скажи мне, Зефир, зачем ты явился в мой дом в тот роковой день? Тогда моё сердце металось, а разум был объят сомнениями, но я всё равно последовал за тобой. Ты твердил, что я избранный, что сама судь-

ба ведёт меня вперёд... Но почему цена магии и бремя проклятия, выпустившего тьму, оказались столь непомерными? Почему я должен платить жизнью и душой за дар, который считал благословением свыше?

Он кричал в пустое, безучастное небо, и его голос надрывным эхом разносился далеко по округе. Спутанные локоны волос развевались на ветру, а лёгкий, едва уловимый бриз приносил с собой ароматы далёких странствий и едва слышный шёпот пробуждающегося магического мира.

Он так и остался сидеть на берегу, раздавленный тяжестью собственных мыслей, наедине с равнодушной природой, мерным течением реки и вздохами ветра. В его душе бушевал неистовый шторм, но внешне он казался застывшим изваянием — будто вся его боль и ярость медленно растворялись в этом мгновении, в тягостном единении с самим собой.

Казалось, встреча с отражением в воде окончательно надломила его суть и сокрушила моральные опоры. Ещё недавно он был отважным юношей, который без страха смотрел в лицо опасностям и всегда спешил на помощь нуждающимся. Но теперь, заглянув в зеркальную гладь реки, он увидел там чужака — растерянного, сломленного и утратившего веру. Тот прежний дух, что помогал ему преодолевать любые преграды, испарился, оставив после себя лишь звенящую пустоту и горький, почти детский плач.

ЗВУК МАГИИ

Олвин всё так же находился у берега, погружённый в отчаяние. Он стоял, глядя на беспокойные волны, и не пони-

мал, как быть дальше, что делать, куда идти. В его душе бушевала буря сомнений и страха, но в глубине сознания мерцала цель — дорожка, которая вела к древнему дереву, окутанному тайнами.

Отчаяние сковывало его сердце, но где-то в глубине души тлела искра веры. И вдруг, словно по волшебству, его молитвы были услышаны. За его детское плечо мягко ухватилась женская рука. Олвин обернулся и увидел перед собой самого дорогого человека — маму. Ту, которая не переставала в него верить даже в самые трудные минуты его жизни. Он был всего лишь ребёнком, много не понимал, но детское сердце мгновенно налилось успокоением. Мама была здесь, рядом, и это наполнило его душу теплом и надеждой.

— Мама, это ты? — прошептал он, не веря своему счастью.

— Да, мой мальчик, — отозвалась она с улыбкой, глядя ему прямо в глаза. Её голос был таким родным, таким успокаивающим.

— Это и вправду ты? Но как ты сюда попала? — маленький мальчик стал вытирать слёзы, с надеждой глядя на неё.

— Я всегда была здесь, прямо в твоём сердце, — она указала себе на грудь.

Олвин обнял её, как будто не видел целую вечность.

— Я скучал! — в его словах чувствовались нотки успокоения. От мамы исходил знакомый запах, её голос был таким родным, всё в ней было очень знакомым и близким.

— Милый мой мальчик, — она вытирала его слёзы, и на какое-то время воцарилась тишина. Было слышно только биение их сердец и шёпот ветра. Настоящие объятия вернули Олвину чувство безопасности и уверенности.

Прошло несколько минут, прежде чем наш герой перестал крепко сжимать свою мать и посмотрел на неё.

— Мама, — произнёс он. — Прости меня!

— За что? — спросила она.

— За всё: что не сказал, куда ушёл, что готов на безумные вещи, которые даже в моей голове не укладываются!

— Ты делаешь это ради них, — она обвела рукой пустую сторону, — и ради меня.

— Ты правда так считаешь?

— Я думаю, мой маленький мальчик повзрослел и стал настоящим мужчиной в столь юном возрасте. Ты стал принимать решения, как сформировавшаяся взрослая личность, — сказала она с гордостью.

У Олвина словно открылось второе дыхание. Ему нужна была поддержка, знак от высших сил — и вот она пришла. Мама, как никто другой, могла согреть душу теплом и наполнить заботой.

— Я рад! — улыбнулся наш герой. — Так закончи начатое, мой маленький герой. Иди и сделай всё, что необходимо.

— А если финал будет очень печален, ты будешь скучать? — спросил Олвин, в его голосе звучала тревога.

— Мы этого пока не знаем, но если будет так, как ты предполагаешь, я всё равно буду знать, — ответила она с уверенностью.

И тут, откуда не ждали, к нему вернулись силы. Олвин воспрял духом, взял лямку рюкзака, закинул его на плечи, кивнул и направился вглубь берега. Он шёл не оборачиваясь, чтобы не думать, было ли это видение добрым или плохим. Он просто шёл с верой в душе, с решимостью в сердце.

Мать смотрела ему вслед, пока он отдалялся, скрываясь за пучиной больших стволов. Вскоре её облик поменялся: она превратилась в девушку-подростка, в глазах которой неистово сверкало белое пламя, а над ней витали голубые бабочки. Ещё мгновение — и она превратилась в величественную птицу. Орёл взмыл вверх, всё так же наблюдая своими зоркими глазами, как Олвин направлялся к дереву, окутанному загадкой.

Радость для мальчика, наверное, — услышать самые главные слова, что о нём помнят и не забыли, где бы он ни находился. Для Олвина эти слова были настоящим сокровищем, ведь он чувствовал себя порой таким одиноким в своём путешествии. Олвин видел цель и не замечал перед собой преград. Он шёл по узкой тропе, которая вела его к дереву, иногда блуждая, останавливаясь, чтобы перевести дыхание или просто отдохнуть. В эти моменты он закрывал глаза и старался представить, как будет дальше.

Приближались сумерки, и нужно было найти ночлег. Ол-

вин расположился на небольшой полянке рядом с многочисленными деревьями, которые хранили в себе мудрость веков. Эти деревья видели много за свою жизнь: ветер, гром, молнии, зло, войны и многое другое. Они были свидетелями множества событий, и их могучие стволы словно хранили тайны прошлого.

В очередной раз, когда Олвин разжёл костёр, он начал наблюдать в темноте, как искры поднимались вверх, после чего быстро угасали, а яркие языки пламени, будто касались его лица. Силуэт Олвина напоминал дом — тот самый, в котором он провёл свою жизнь, и который был для него символом уюта и безопасности. Пламя костёрка отбрасывало причудливые тени, и на мгновение казалось, что они оживают и рассказывают свои истории.

«Сегодня хороший день», — подумал Олвин. Он встретил дорогого человека, костёр напомнил ему об уютном доме, и в глазах что-то сверкнуло, наполняя душу умиротворением. В этот момент он почувствовал, как тяжесть, которая давила на него всё путешествие, немного отступила.

Наш герой взял одну из веток и стал поправлять дрова, которые небрежно выгорали и разваливались. Он собирал их в кучу, стараясь поддерживать пламя. В этот момент Олвин ощущал себя частью чего-то большего, словно весь мир был его домом. Среди деревьев красиво проникали лучи загадочной луны, создавая причудливые узоры на земле. Он поднял

глаза к тёмному бескрайнему небу и вздохнул полной грудью. Олвин наслаждался каждым мгновением этой вселенной, чувствуя, как каждый вдох наполняет его силой и уверенностью в том, что он движется в правильном направлении.

Олвин, Ооолвин — до нашего мальчика донёсся странный звук, от которого он тут же напрягся. «Кто? Кто здесь?» — в голосе его слышался испуг. Темнота вокруг словно сгущалась с каждой секундой, и страх пришёл неожиданно, сковав сердце ледяными тисками. «Грибар, это ты?» — вновь спросил он, вглядываясь в непроглядную тьму. Но в ответ прозвучало: «Нет, Олвин, я — вездесущий, и я хочу отблагодарить тебя за то, что ты сделал для меня, за то, что вернул меня к жизни».

«Магия?» — подумал мальчик, и эхо этого слова донеслось до его ушей, словно шепот ветра. Тревога постепенно отступала, уступая место удивлению и надежде. «Но я вернул не всё волшебство», — сказал он, в его голосе звучала неуверенность. «Да, но большую его часть, — прозвучал ответ. — Осталось совсем немного, и в знак благодарности я хотела бы отдать тебе то, о чём ты забыл».

«А что я забыл?» — проговаривал он, вглядываясь в тёмные тени, которые ложились на лес от пылающего костра. Пламя бросало причудливые отблески на деревья, и казалось, что лес оживает, наполняясь таинственными силуэтами.

Олвин упал на спину и стал ярко улыбаться. Ему вернулось самое дорогое воспоминание — момент, когда мама была за него рада, когда он по-настоящему выиграл приз, заработав его своим трудом. Наверное, именно тогда он и решил, что будет принимать решения, как ход в шашках, тщательно обдумывая каждый шаг и предвидя действия противника. Воспоминание было таким ярким и живым, что на мгновение ему показалось, будто мама снова рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.